

Р.А.Рабинович

ПРИЗРАЧНАЯ БЕРЛАДЬ. О достоверности одной фальсификации

«...Происхождение этого документа покрыто сказочным туманом...»

А.И.Соболевский «Грамота кн. Иванка Берладника 1134 г.»

«Румынскому патриотизму, старающемуся изгладить в своей области следы церковно-славянского языка, интересно было бы не подделывать, а уничтожить подобную грамоту, которая ясно показывает, что в XII в. было здесь чисто русское княжество».

Д.И.Иловайский. (Из Протоколов VIII Археологического съезда 1890 г.)

R.A.Rabinovich. Illusory Berlad: About Authenticity Of a Distortion.

The article deals with the issues related to the medieval Berlad, Berladians and activities of the Prince Ivan Rostislavich the Berladian. The data provided by the Russian chronicles on these issues are not debated by the researchers. Quite a different attitude is adopted to the Deed of the Berladian of 1134. Since its publication by B. Hajdeu in 1860, many researchers have considered it a distortion. The author proved that the issue of the deed distortion cannot be considered as a definite one. His research found the deed text compliance with the historic realities. The results of a linguistic analysis showed that the deed was possibly copied after the XII century. Those spelling and editorial changes considered to be an evidence of distortion were introduced by later copying. The author does not exclude a possibility of an actual distortion of the deed made in order to prove an early tradition of trade privileges for some cities, but only in XIV-XV centuries and not any later.

But in this case, its distortion in XIV-XV centuries was either based on authentic written records or real historic knowledge of oral tradition dating back to an earlier time. The author concludes that there is absolutely no ground to believe that either B. Hajdeu himself or a person contemporary to him distorted the deed. Further evidence of authenticity of the Berladian's Deed of 1134 is provided by the author in connection with his hypothesis of a new localisation of Berlad. The research proposes the Danube's right bank in Dobruja nearby modern Hirsova as Berlad's localisation. To prove this the data of toponymy, linguistics, archaeology, and analysis of written records are used. The data about the Berladians provided in the chronicles are not contradictory to the new localisation of Berlad, compared to its old localisation identified with the modern Romanian city of Birlad. The new localisation of Berlad is not contradictory to the information in the Berladian's Deed of 1134, which is a bilateral proof of its authenticity. According to the new localisation, Berlad was situated in the region of Byzantine Danube cities. For the Ancient Rus' its location seems to correspond to the location of Olessje and Tmutarakani.

В исследованиях о Берлади, берладниках и Грамоте Ивана Берладника 1134 г. давно достигнут некий статус-кво. Причем и в румынской, и в русской исторической науке статус-кво свой. «Была Берладь, но не было Грамоты Берладника» — в русской историографии. «Не было Берлади, Грамота Берладника фальсифицирована» — в румынской науке. Цель данной статьи — «реабилитация» Берлади как научной пробле-

мы, «реабилитация» Грамоты Берладника, как источника для постановки и решения научной проблемы. Не скрою, одна из целей данной статьи, возможно и субъективная с точки зрения объективной науки, — реабилитация (я употребляю это слово уже без кавычек) честного имени замечательного писателя и исследователя Богдана Петричейку Хашдеу, открывшего научному миру Грамоту Берладника.

Ни одна из этнополитических формаций или групп населения в Карпато-Подунавье в XII-XIII вв. не вызвала в русской историографии столько интереса и вопросов, сколько упо-

минаемые в русских летописях Берладь и берладники. С одной стороны интерес подогревался возможным существованием в низовьях Дуная русского этнического массива и даже, как

многие полагают, отдельного русского княжества, отрезанного от основных русских земель. С другой — уникальностью судьбы князя-изгоя Ивана Ростиславича Берладника, широко известного своими похождениями на Руси, злейшего врага и преданного друга сильнейших владетелей русских княжеств, ведшего длительную и непримиримую борьбу за княжеский стол в Галиче. В отличие от других сюжетов русских летописей, сообщения о берладниках и князе Иване Берладнике вызвали значительный интерес и в румынской историографии. Но надо признать, что своеобразным допингом для возбуждения исследовательского интереса к Берладии, берладникам и самому князю-скитальцу Ивану Ростиславичу Берладнику послужила сенсационная публикация известного румынского писателем Б.Хашдеу т.н. «Грамоты Ивана Берладника 1134 г.».

Все же следует отметить: русские исследователи дореволюционного времени мало внимания уделяли истории берладников. Больше других об этом писали С.М.Соловьев, К.Я.Грот, Н.П.Барсов, Н.Молчановский, С.М.Середонин (Грот 1881: 273; 1889: 74, 236-238, 303; Барсов 1885: 113-115; Молчановский 1883: 80-85; Середонин 1916: 184-186). Затрагивая этот период в истории региона, исследователи главное внимание уделяли вопросу об аутентичности Грамоты Ивана Берладника 1134 г. (Протоколы 1897: 103; Голубовский 1884: 207; Дашкевич 1904: 366-381; Мутафчиев 1928: 20-23; Соболевский 1897: 173-174; Богдан 1897: 164; ПРП 1953: II, 26-31; Насонов 1951: 143). Румынская историография подлинность грамоты с момента ее публикации и до сегодняшнего дня практически единодушно отвергала (Богдан 1897; Panaitescu 1932; Spinei 1994: 21).

Русские ученые практически единогласно считали берладников населением, по своему образу жизни приближающимся к более позднему казачеству. Румынские исследователи считали их принадлежащими к восточнороманскому этносу (Мохов 1964: 81-82). Наибольшие споры у румынских авторов вызывало и вызывает отождествление Берладии русских летописей с молдавским городом Бырладом, этническое происхождение берладников и их государственная принадлежность (Iorga 1927-1928: 147-150; Cihodaru 1963: 237-238; Bălan 1928: 15-17; Olteanu 1974: 30-32; Spinei 1994: 21, 177-179; Мохов 1964: 83).

Если в дореволюционной русской историографии больше обсуждался вопрос об аутентичности Грамоты Берладника 1134 г., то в советской литературе послевоенного времени акцент сместился на проблемы истории непосредственно самой Берладии. При этом часть авторов ссылается на грамоту 1134 г. как на подлинный документ, не предлагая в защиту ее достоверности каких-либо аргументов, другие же продолжают доказывать ее фальсифицированность (Котляр 1985; Перхавко 1996).

Смещение акцента привело даже к возник-

новению традиции видеть в Берладии особое русское княжество. Летописную Берладь М.Н.Тихомиров, например, считал «особым княжеством, принадлежащим боковой линии галицких князей», а берладников — предшественниками позднейших бродников (Тихомиров 1947: 154; Он же 1956: 209). А.Н.Насонов довольно противоречиво высказывался по поводу статуса Берладии: он считал ее зависимой от Галицкого княжества землей, но при этом независимой волостью (Насонов 1951: 141-142). Прямым предшественником Молдавского государства назвал Берладь молдавский историк Н.А.Мохов (Мохов 1978: 49-52). Фактически уже настоящим государством выглядит Берладь в книге И.П.Русановой и Б.А.Тимощука. Эти авторы определили границы Берладского княжества, этнический состав и социальную структуру (Русанова, Тимошук 1981: 84-89). Против придания Берладии статуса настоящего княжества определенно выступал лишь В.П.Шушарин (Шушарин 1972).

Отношение современной румынской историографии к проблеме Берладии полнее других авторов демонстрирует В.Спинеи. Берладников В.Спинеи относит к кочевому или полукочевому населению тюркского происхождения. Он отвергает связь между летописной Берладью и молдавским городом Бырладом, считает принципиально невозможным существование в Южной Молдове в XII в. русского княжества, зависимого или независимого от Галича или Киева. Берладников исследователь считает временными жителями в Карпато-Днестровских землях, не оказавшими существенного заметного влияния на историю региона (Spinei 1994: 177-180).

Резюмируя историографическую часть, выделим главное. Основные вопросы, интересовавшие исследователей в связи с берладниками, следующие: а) этнический состав берладников; б) политический статус земли берладников (княжества); в) подлинность Грамоты Берладника 1134 г. и тех сведений, которые она сообщает; г) локализация летописной Берладии.

По поводу этнического состава берладников в русской и румынской литературе были высказаны следующие мнения: русские, восточные романцы, кочевое или полукочевое население тюркского происхождения, полиэтничное население, по своему образу жизни и социальному статусу напоминающее более поздних казаков. Политический статус Берладии: независимое политическое объединение, напоминающее Запорожскую Сечь; удельное галицкое княжество; особое княжество, зависимое или независимое от Галицкого княжества. По вопросу о грамоте 1134 г. мнения, как известно, разделились. Локализация Берладии в русской и молдавской (советского периода) литературе была связана исключительно с молдавским городом Бырладом, расположенным на одноименной реке. Румынские исследователи данную локализацию отвергают, ссылаясь на отсутствие археологических

«городских» и «русских» слоев XII-XIII вв. на этом средневековом поселении, а саму связь в названиях молдавского Бырлада и летописной Берлады иногда попросту игнорируют.

Сведения о берладниках содержатся в русских летописях и Грамоте Берладника. Непосредственно берладники в летописях упомянуты только два раза. Один раз упоминается Берладь. Значительно чаще упоминается князь Иван Ростиславович Берладник. Причем один раз берладники упоминаются как участники эпизода, связанного с князем Иваном Ростиславо-

вичем, а один раз самостоятельно в эпизоде, на участие в котором Ивана Берладника летописи не указывают, но которое, исходя из контекста всех событий, могло вполне реально быть.

Рассмотрим все летописные известия в хронологическом порядке. Поскольку все сообщения об Иване Берладнике и берладниках многократно рассматривались исследователями XIX-XX вв. (недавно это вновь сделал В.Б.Перхавко — Перхавко 1996: 70-75), мы очень коротко остановимся на основных вехах их истории.

Иван Берладник и берладники. Летописные известия

Звенигородский удельный князь Иван Ростиславич, сын перемышльского князя Ростислава Володаревича, начинает упоминаться в летописях с 1144 г. Воспользовавшись отсутствием галицкого князя Владимира Володаревича, отправившегося на длительную охоту, галичане пригласили Ивана из Звенигорода занять галицкий стол. В результате сражения с войском Владимира Володаревича Иван был вынужден бежать на Дунай, а затем в Киев к великому князю Всеволоду Ольговичу (ПСРЛ 1962: II, 316-317).

В 1146 г. покровительствующий Ивану Ростиславичу киевский князь Всеволод Ольгович попытался отбить у галицкого князя Владимира Володаревича Звенигород, но неудачно. В том же году князь Всеволод умер, и Иван Ростиславич, за которым с этого момента в летописи закрепляется имя или прозвище «Берладник», перешел на службу вместе со своей дружиной к его брату Святославу Ольговичу. Уже в начале следующего, 1147 г. он перешел на службу к смоленскому князю Ростиславу Мстиславичу (ПСРЛ 1962: II, 329, 334, 338).

На этом его деятельность как наемного полководца не закончилась. В 1149 г. летописи отмечают его на службе у Юрия Владимировича Долгорукого. При этом Новгородская первая летопись называет его «Берладским князем» (НПЛ: 28). Последующие восемь лет Иван Берладник провел на службе у Юрия Долгорукого в Суздале. Когда последний стал киевским князем, к нему обратился его зять Ярослав Владимирович Галицкий с просьбой выдать ему Берладника. Юрий Долгорукий хотел это сделать. Иван Берладник в цепях был доставлен из Суздаля в Киев, но затем под давлением киевского духовенства Юрий Долгорукий отменил свое решение и отослал Берладника обратно в Суздаль. По дороге Ивана Берладника отбил черниговский князь Изяслав Давыдович (ПСРЛ 1962: II, 488).

После смерти Юрия Долгорукого великим киевским князем стал черниговский князь Изяслав Давыдович. Последнему верой и правдой служит Иван Берладник. В 1159 г. Ярослав Галицкий, собрав коалицию князей против Изяслава Давыдовича, в которую привлек венгров и

поляков, обратился с требованием к последнему выдать ему Берладника (ПСРЛ 1962: II, 496-497). И хотя Изяслав отказался это сделать, Иван Берладник бежит к половцам. Летописное известие об этих событиях содержит ценную информацию об антигалицкой деятельности Берладника на Дунае и упоминает первый раз берладников:

«Ивань ... еха в поле къ Половцемъ. и шедъ с Половци и ста в городехъ Подунайский и изби две кубаре. и взя товара много в нею. и пакостяше рыболовомъ Галичьскимъ. и приидоша к нему Половци мнози. и Берладники оу него искупися 6000. и поиде къ Кучелмину и ради быша ему. и отуда къ Оушици поиде и вошла бяше засада Ярославля в городе и начаша бити крепко. засадници из города. а смерды скачу чересь заборолы. къ Иванови и перебеже ихъ. И хотеша Половци взяти городъ. Иванъ не да имъ взяти. и розгневшеся Половци. ехаше от Ивана...» (ПСРЛ 1962: II, 496-497).

Данное известие интересно тем, что показывает независимость Карпато-Днестровских земель в этот период от Галицкого княжества. Кучелмин и затем Ушица были пограничными галицкими городами, куда Иван подошел со своим войском. В то же время любопытна независимость и Ивана Берладника от половцев. Он не побоялся им отказать в их желании «взять город». Видимо, это было чревато грабежами и выходом ситуации из-под его контроля. В то же время половцы, даже разгневавшись, просто уехали от Берладника прочь, не вступая с ним в дальнейший конфликт. Возможно, дело здесь было не только в шести тысячах берладников, оставшихся с Иваном, а в особенностях взаимоотношений между половцами и Берладью. Если полагать, что половцы, пришедшие с Иваном к Ушице, были местными — дунайскими, то можно предположить, что Берладь, где бы она ни находилась, была независима от половцев. На этот момент необходимо обратить внимание.

Уход половцев ослабил силы Ивана перед лицом наступающего на него галицкого войска. Он оставляет свои планы и вновь отправляется в Киев под защиту киевского князя Изяслава Давыдовича. В том же 1159 г. Изяслав Давыдо-

вич совершает поход на Ярослава Галицкого, «ища волости» Ивану Ростиславичу (ПСРЛ 1962: II, 498).

В результате войны между Киевом и Галичем киевский князь Изяслав Давыдович был смещен с престола своими врагами и в Киеве «сел» враг Ивана Берладника князь Ростислав Мстиславич. И как следствие, враждебные действия берладников против Киева не заставили себя ждать: в 1160 г. берладники ограбили важнейший киевский порт на Днепре Олешье. «*Посла Ростиславъ ис Киева Гюргя Нестеровича и Якуна в насадехъ на Берладники. иже бяхуть Олешье взяли и постигше я оу Дциня избиша я и полонь възаша...*» (ПСРЛ 1962: II, 505).

Данное известие любопытно тем, что в нем упомянуты берладники без связи с Иваном Берладником. Также важно упоминание о нижнедунском городе Дичине, которое может способствовать выяснению локализации Берлады. Последнее известие летописей об Иване Берладнике сообщает о его трагической гибели в 1162 г. в греческой Солуни от яда (ПСРЛ 1962: II, 514). Историки предполагают, что он был от-

равлен убийцей, подосланным Ярославом Галицким (Котляр 1985: 106; Перхавко 1996: 72). В 1189 г. овладеть галицким престолом попытался сын Ивана Берладника Ростислав. Галицкие бояре призвали его, но в самый решительный момент изменили ему. Он был ранен в бою с венграми и взят в плен. Венгры приложили смертельный яд к ранам Ростислава, отчего он умер (Молчановский 1883: 82).

И, наконец, последнее летописное известие, имеющее отношение к рассматриваемому вопросу, неоднократно привлекающееся исследователями. В 1174 г. Андрей Боголюбский разгневался на Ростиславичей и велел им передать: «*... не ходите в мое воли. ты же Рюриче поиди въ Смолньскъ къ брату во свою отчиноу а Давиду рци а ты поиди въ Берладъ а в Руськой земли не велю ти быти...*» (ПСРЛ 1962: II, 573).

Таковы все летописные известия, имеющие отношение к Берлады, берладникам и «берладскому князю» Ивану Ростиславовичу. Ценные сведения об истории Берлады содержатся в так называемой грамоте Ивана Берладника 1134 г. К ее анализу я и приступаю далее.

Грамота Берладника 1134 г.

Приведем текст грамоты: «*У име отца и сына [и святого духа]: аз, Иванко Ростиславовичь от стола Галицкого, кнезь Берладьскы сведчюу купцем [месиц]бриським да не платет мыт у граде нашем [у Ма]лом у Галичи на изклад, разве у Берлады и у Текучом и о[уч]радох наших. А на исъвоз розьным товаром тутошным и угрьським и руським и чес[кым], а то да платет николи жь разве у Малом у Галичи. А кажить воевода. А на том обет. [В лето] от рождества Христова, тисещу и сть и тридесять и четыре лет месяца мае 20 день.*» (ПРП 1953: II, 26).

Из современных исследователей поддельной грамоту считают Н.Ф.Котляр, О.А.Купчинский, В.Спинеи, В.Б.Перхавко и др. (Котляр 1985: 101; ДПИ 1991: 66; Перхавко 1996: 72-73; Spinei 1994: 21). Подлинным документом грамоту Берладника признали И.А.Линниченко, Д.И.Иловайский, П.В.Голубовский, Н.Дашкевич, М.С.Грушевский, П.Мутафчиев, В.Т.Пашуто, В.В.Мавродин, М.В.Левченко, А.А.Зимин, А.Н.Насонов и др. исследователи (Протоколы 1897: 103; Голубовский 1884: 207; Дашкевич 1904: 366-381; Пашуто 1950: 169-171; Левченко 1956: 437-438; ПРП 1953: II, 26-31; Насонов 1951: 143; Соболевский 1897: 173; Коновалова 1991: 47).

Большинство из этих исследователей оговорилось, что необходимо пока воздержаться от полного решения вопроса о подложности грамоты (Дашкевич 1904: 381; Насонов 1951: 143). У А.А.Зимины сомнение вызывает не подлинность грамоты, а ее дата. Он полагает, что следует читать вместо «тридесять» — «четыредесятъ», то есть датировать 1144 г., временем, ког-

да впервые упомянут в летописи Иван Ростиславич (ПРП 1953: II, 31). Очевидный факт, но в списке исследователей — сторонников подлинности Грамоты практически не видно действующих ныне исследователей.

Румынская историография и ранее, и теперь подлинность грамоты практически единодушно отвергает (Богдан 1897: 163-164; Мохов 1964: 82-83; Panaitescu 1932: 46-51; Cihodaru 1963: 238-242; Spinei 1994: 21).

Следует обратить внимание на следующий момент. Исследователи, которые считают грамоту поддельной, продолжают и в новейших исследованиях это доказывать (Котляр 1985: 101; Перхавко 1996: 72-73). Исследователи из вышеперечисленных, которые придерживались мнения об аутентичности грамоты, ссылались на нее как на подлинный документ, как бы не замечая всего того, что «наработала» в плане аргументов фальсифицированности противоположной стороны. Последним, кто пытался аргументировать подлинность грамоты, был еще Н.Дашкевич (Дашкевич 1904).

Происхождение грамоты Берладника весьма загадочно. Она была опубликована известным румынским писателем Б.П.Хашдеу. Он рассказывает, что она была доставлена его отцу в 1848 г. русским офицером Викентием Рольским. Документ, по словам Б.Хашдеу, был написан на пергаменте, полууставом, выцветшими чернилами. Отец Б.П.Хашдеу сделал копию с оригинала рукописи, но сам оригинал вскоре утерял.

В 1860 г. в яссском журнале «*Instrucțiunea publică, revista săptămânară din Moldova*» Б.П.Хашдеу публикует впервые эту грамоту. Но

вскоре после публикации исчезает и выполненная отцом Б.П.Хашдеу копия, по которой и была осуществлена публикация. После опубликования грамоты в 1860 г. она вызвала подозрение исследователей в ее поддельности ввиду некоторых характерных несоответствий для документов XII в. В 1869 г. в бухарестской газете «Трајану» (№ 50) Б.П.Хашдеу повторно издает грамоту, но с изменениями тех характерных ошибок текста, которые выдавали его более позднее происхождение. Такое «исправление» как раз и натолкнуло исследователей на мысль, что Хашдеу знал о поддельности грамоты (Соболевский 1897: 173; Мохов 1964: 83; Котляра 1985: 99-100).

В отличие от А.И.Соболевского, одного из «главных разоблачителей» подложности грамоты, заявившего, что, «кто именно был виновником подлога, мы не будем разыскивать» (Соболевский 1897: 174), румынские исследователи выдвинули обвинение в фальсификации этого документа против Б.Хашдеу. Его цель, по мнению И.И.Богдана, «могла быть следующая: указать уже в XII веке зародыш румынского государства, хотя бы ценою зависимости от России» (Богдан 1897: 164). П.Панаитеску назвал «фальсификацию» Б.П.Хашдеу «патриотической» (Panaiteescu 1932).

Тот факт, что патриотически настроенному румынскому писателю не было выгодно указывать на существование государства, которое не могло восприниматься в XII в. как «зародыш румынского» из-за явно славянского (если не русского) происхождения берладников и русского происхождения Ивана Ростиславича, отмечал еще Д.И.Иловайский в 1890 г. (Протоколы 1897: 103). Б.П.Хашдеу был блестяще исторически образован, его исторические хроники могут рассматриваться как научный труд. Он не мог допустить многие из тех ошибок, которые ставятся ему в вину.¹

Наиболее веские доводы сторонников подложности грамоты высказаны А.И.Соболевским, И.И.Богданом и П.Панаитеску. Рассмотрим их.

А.И.Соболевский отметил следующие моменты: «Пестрая смесь южнорусских и болгарских лингвистических элементов, чего неизвестно ни в одной древнерусской грамоте»; «ряд грамматических неправильностей (ошибок), подобные которым совсем чужды как русским, так и болгарским памятникам XII в.»; «орфографи-

¹ Например, Б.П.Хашдеу не стал бы указывать дату 1134 г., зная, что Галич начинает упоминаться с 1140 г., а Иван Ростиславич — с 1144 г. Летописные данные о берладниках и Иване Берладнике Хашдеу должен был бы прекрасно знать, хотя бы потому, что они, как считают его обвинители, служили источником для фальсификации. Не говоря уже о таких ошибках, как летоисчисление от Рождества Христова или существование некоторых городов. Б.Хашдеу мог догадываться, что грамота сфальсифицирована, и потому «исправил» во втором издании характерные ошибки.

ческие и лингвистические особенности», характерные для молдавских документов XIV-XV вв.; в молдавских документах XIV-XV вв. «летоисчисление иногда ведется по западно-русскому обычаю от Р.Хр.»; «с исторической точки зрения сомнение возбуждается уже тем, что Берладник называет себя «князем от стола Галицкого» (Соболевский 1897: 173-174; Протоколы 1897: 103).

Румынский исследователь И.И.Богдан указал на более убедительные, как он считает, чем высказанные А.И.Соболевским, признаки подложности грамоты. Таковыми признаками, по И.И.Богдану, являются следующие:

Формы прилагательных: *Угрьский, берладьский, месембрисьский* могли возникнуть только в голове фальсификатора, подделывающего под древнерусский язык без достаточного знания его истории: источником ошибки послужила древнерусская форма слова *русский* при более новых *руський, руский, русский...*»;

Грамота Ивана Берладника находится в противоречии с дипломатическими формулами XII в. и «состоит в зависимости от молдавских и галицких дипломатических формул XIV-XV века»;

Содержание грамоты не сходится с известными русскими летописями об Иване Берладнике. Выражение «князь Берладский от стола Галицкого», «неясное само по себе и не находящее объяснение в дипломатических нормах», толкуется исследователями «в смысле происхождения и в смысле зависимости. Но по происхождению Иван Ростиславич не имел никаких прав на Галич, а в зависимости от него не мог состоять, потому что: 1) он был непримиримым врагом галицких князей, сначала Владимира, потом Ярослава Осмомысла и уж конечно, не мог получить от них удела «Берладского»; 2) в 1134 г. соединенное Червонно-русское княжество еще не существовало: оно создано только в 1144 г.» (Богдан 1897: 163-164).

Источником подделки И.И.Богдан считает отрывок русской летописи под 1149 г., называющий Ивана Ростиславича Берладским князем. Грамота 1134 г. — торговая, она «позволяла заключать о государственной связи приданайской страны с Галичиной и о существовании княжества Берладского уже в XII в.» (Богдан 1897: 164).

Очень важным мне представляется следующее замечание И.И.Богдана, как специалиста по молдавскому средневековью. И.И.Богдан говорит, что «Соболевский, доказывающий подложность грамоты на основании ее поздней графики и средне-болгарских особенностей языка, немыслимых для русской грамоты XII века, упустил из вида другое, столь же возможное, объяснение отмеченных им явлений: грамота (ныне утраченная) могла быть списком, сделанным в Молдавии в XIV-XV столетии с недошедшей русской грамоты XII века. Как известно, в XIV-XVII веках в румынских господарствах в церковном

употреблении был старо-славянский язык в среднеболгарской его редакции». Более убедительными признаками подложности, по его мнению, как раз и являются те, которые мы перечислили выше (Богдан 1897: 163).

В румынской литературе наиболее веские доводы за подложность грамоты выглядят следующим образом: летоисчисление от Р.Х., тогда как таковое в галицких документах появляется только в XIV в.; города Месембрия и Малый Галич в XII в. не существовали; начальная фраза «У име отца и сына..», такой оборот появляется с XIV в.; до 1144 г. Иван Ростиславич правил в Звенигороде, его деятельность в Подунавье и Галиче по летописям началась только после 1144 г.; характерные ошибки в написании слов, о которых говорил И.И.Богдан и А.И.Соболевский (см. Мохов 1964: 83).

В.Б.Перхавко в качестве «источников фальсификата» рассматривает летописную речь Святослава 969 г. о торговом значении Переяславца на Дунае, уставную грамоту молдавского господаря Александра львовским и подольским купцам от 8 октября 1407 г., в которой упоминается о взимании мыта в г.Берладе, и «ряд других более поздних источников» (Перхавко 1996: 74).²

Итак, мнения исследователей об аутентичности грамоты Берладника разделились: часть из них считает, что она является подлинным документом XII в., их оппоненты утверждают обратное. Существует в историографии и **третья** точка зрения на эту проблему, не получившая развития, высказанная Д.И.Иловайским во время обсуждения доклада А.И.Соболевского на VIII Археологическом съезде. «Что касается языка (грамоты), то вопрос: какую историю прошла грамота, пока дошла до нас? Очень может быть, что она несколько раз переписывалась, искажалась и подвергалась различным влияниям. Если бы мы имели дело с подлинником, тогда мы судили бы по языку и орфографии» (Протоколы 1897: 103).

Теоретическую возможность, что к Б.П.Хашдеу попал список, сделанный в Молдавии в XIV-XV вв. с недошедшей русской грамоты XII в., как указывалось, допускал и И.И.Богдан. Соболевский А.И., полемизируя с Д.И.Иловайским, сослался на утверждение издателя, что рукопись — подлинник (Протоколы 1897: 103). Однако этому аргументу Соболевского нельзя придавать очень серьезное значение: пергамент с текстом грамоты выглядел в глазах Б.Хашдеу «достаточно» и «настолько древним», что он вряд ли бы визуально отличил подлинник XIV в. от подлинника XII в. При переписывании грамоты 1134 г. в последующих столетиях в нее, конечно, помимо особенностей графики могли быть внесены и чисто редакторские изменения, что

не является чем-то необычным с точки зрения исторической практики. Полагаю, что само переписывание грамоты могло быть вызвано к жизни ситуацией, вследствие которой молдавские господа и выдавали торговые грамоты купцам.

Здесь же выскажу мнение о вероятности, с моей точки зрения, и **четвертой** версии происхождения грамоты. Да, она действительно могла быть сфальсифицирована, но сфальсифицирована в XIV-XV вв.(!) На это как раз указывают те особенности языка, орфографии и «несоответствия историческим реалиям XII в.», которые отмечаются исследователями. Какова цель подобной фальсификации? Она достаточно очевидна: показать, что некоторые города еще «с древних времен» обладали определенными торговыми привилегиями и потому вполне имеют право на продолжение выгодной для них традиции. На то, что грамота была сфальсифицирована именно в указанное время, указывает и плохое знание ее изготовителем летописных данных, известных именно нам, о деятельности Ивана Берладника и ее хронологии, и «незнание» древнерусского языка и нелепое искусственное словообразование.

Однако не следует забывать, что даже изготовленная в XIV или XV в. грамота является историческим источником, способным отразить определенные исторические реалии предшествующего времени. Для ее фабрикации в любом случае были использованы подлинные документы или реально существовавшие исторические знания, историческая информация об Иване Берладнике и Берладе. Еще И.А.Линниченко отмечал, что с исторической точки зрения в содержании грамоты нет ничего сомнительного: говорится о льготах, которые дает князь купцам в разных городах (Протоколы 1897: 103). О Берладе и берладниках нам многократно говорят русские летописи. И так ли очевидно то несоответствие грамоты историческим реалиям, о котором любят говорить авторы, отвергающие ее подлинность? Действительно ли так «обстоятельно доказано И.И.Богданом, А.И.Соболевским, П.П.Панаитеску ее несоответствие историческим реалиям XII в.» (цитирую Перхавко 1996: 72), как представляется некоторым исследователям?

Что касается лингвистического анализа, то, как мы отмечали, орфографические и лингвистические особенности грамоты свидетельствуют, что дошедший вариант, скорее всего, был написан или являлся списком XIV или XV в. Присутствие болгарских лингвистических элементов в грамоте вполне естественно, учитывая локализацию Берладе на юге Запрутской Молдовы.³

² В.Б.Перхавко не указал, какие именно «более поздние источники» послужили для фальсификации. Все те особенности, которые отмечали И.И.Богдан и А.И.Соболевский, характерны для XIV-XV вв.

³ Новая, предлагаемая мною локализация Берладе, о которой будет подробно сказано позже, еще проще объясняет наличие в тексте грамоты болгарских элементов.

О времени написания (или переписки) дошедшего до Б.Хашдеу варианта Грамоты Берладника — предположительно XIV-XV вв. говорит и отмеченная И.Богданом зависимость тек-

ста грамоты от молдавских и галицких дипломатических формул этого времени. Но обратимся к анализу того самого «несоответствия историческим реалиям».

Грамота Берладника и ее соответствие историческим реалиям

С исторической точки зрения исследователь смущает выражение «князь Берладский от стола Галицкого». «По своему происхождению Иван Ростиславич не имел никаких прав на Галич». Так считает И.Богдан. Но так не считал сам Иван Берладник, посвятивший столько лет борьбе за галицкий престол. Так не считали галичане, приглашавшие неоднократно (как минимум три раза, согласно летописям) Берладника княжить в Галич. Видимо, так же не считали великий князь Всеволод Ольгович, его брат — новгород-северский Святослав Ольгович, да и остальные братья-сюзерены — смоленский Ростислав Мстиславич, Юрий Долгорукий и черниговский, а затем киевский князь Изяслав Давыдович.

Возможная разгадка вопроса, почему Иван Ростиславич называет себя князем от стола Галицкого, кроется в той запутанной ситуации, которая сложилась в ходе объединения будущей Галицкой земли Владимирко Володаревичем в 20-40 гг. При ее анализе надо иметь в виду, что, согласно правилам феодального престолонаследия, освободившийся после смерти того или иного князя престол переходил к его следующему по старшинству брату, а не сыну.

В 1124 г. умер перемышльский князь Володарь Ростиславич. Перед смертью он завещал Перемышль со всей землей старшему сыну Ростиславу — отцу Ивана Берладника. Видимо, опасаясь, что его младший сын Владимирко Володаревич восстанет против брата, Володарь в 1124 г. выделил в составе Перемышльского княжества Звенигородское удельное княжество, которое и было отдано Владимирко Володаревичу.

Далее, дошедшие до нас летописи до 1140 г. молчат о том, как развивались события в будущей галицкой земле, но польский хронист Ян Длугош и «История» В.Н.Татищева сообщают, что Владимирко Володаревич вскоре после смерти отца (1126/1127) попытался отнять у Ростислава Володаревича Перемышль. Эта попытка окончилась неудачей. Владимирко бежит с семейством в Венгрию, Ростислав неудачно осаждают Звенигород, а попытки Мономаховичей помирить братьев также неудачны. Когда умер Ростислав, неизвестно, как неизвестны и обстоятельства его смерти (Котляр 1985: 78-79).

Под 1140 г. (первое упоминание Галича) Ипатьевская летопись «связывает» Володимирко Володаревича с Галичем: когда киевский князь Всеволод Ольгович пошел на Воынь, он «*Ивана Василковича и Володаревича из Галича Володимирка, на Вячеслава (и) на Изяслава на*

Мьстиславича посла» (ПСРЛ 1962: II, 218; Котляр 1985: 80). «Однако не следует буквально верить этому сообщению, — пишет Н.В.Котляр, — в Галиче тогда княжил Иван Василькович» — и ссылается на известие этой же летописи под 1141 г. (Котляр 1985: 80). Действительно, летопись под этим годом сообщает, что в Галиче умер князь Иван Василькович, и его волость принял и стал княжить в Галиче Владимирко Володаревич.

Однако такое расхождение информации одной и той же летописи в высшей степени интересно в плане рассматриваемого нами вопроса о грамоте Берладника. В Галиче правит Иван Василькович, а летопись говорит, что из Галича и Иван Василькович, и Владимирко Володаревич, который, как мы увидим ниже, в это время княжил в Перемышле.

Мне это напоминает ситуацию с Иваном Берладником, который, будучи князем Звенигородским (в 1144 г.), в грамоте (в 1134 г.) называет себя князем берладским от стола Галицкого. Так, может быть, перефразируя Н.Ф.Котляра, «не следует буквально верить» и сообщению грамоты 1134 г. о том, что Иван Ростиславич от стола Галицкого. Не могла ли «странная» зависимость Владимирко Володаревича, сидевшего в Перемышле, от Галича в 1140 г. быть «одной природы» со столь же «странной» зависимостью Ивана Ростиславича, представленного как князь Берладский от того же Галича в 1134 г.? Не будем пока задумываться над этим вопросом и пойдем дальше.

Владимирко Володаревич с конца 20-х гг. правил в Перемышле. Об этом «постфактум», как считает Н.Ф.Котляр, свидетельствует летописное известие 1144 г. о пребывании в Звенигороде Ивана Ростиславича (Котляр 1985: 81). Поскольку умерший Иван Василькович, помимо Галича, владел и всей Тербовльской волостью, доставшейся ему после смерти его брата Григория (Ростислава) Васильковича, то в результате вокняжения Володимирка Володаревича в Галиче в 1141 г. он завладел практически всей территорией формирующейся Галицкой земли. Почти всей, поскольку после этих событий он не владеет... Звенигородским удельным княжеством. На этот момент следует обратить внимание.

Сообщения Длугоша и Татищева говорят о том, что после событий 1126-1127 г., после неудачной попытки Владимирко Володаревича овладеть Перемышлем — княжеством своего старшего брата Ростислава Володаревича, Владимирко бежит в Венгрию, а Ростислав неудач-

но пытается овладеть Звенигородом. После этого нам известны только уже рассматривавшиеся сообщения летописей 1140 и 1141 г. Каким образом убежавший Володимерко Володаревич стал перемышльским князем в конце 20-х гг. (так считает Н.Ф.Котляр), видимо, после смерти Ростислава Володаревича? Обстоятельства смерти нам неизвестны. Каким образом в 1144 г. Звенигородское удельное княжество — бывшее княжество Володимерка (не ликвидированное Ростиславом Володаревичем в ходе событий 1126-1127 гг.?) оказывается во владении сына Ростислава и племянника Володимерка — Ивана Ростиславича? Источники нам не дают ответа на эти чрезвычайно важные вопросы. И не связаны ли ответы на них со «странным» упоминанием Владимирко Володаревича — союзника киевского князя Всеволода Ольговича в походе на Волынь — в связи с Галичем, в котором «сидит» Иван Василькович, также союзник киевского князя в этом походе?

Мы можем только пытаться реконструировать ситуацию, возникшую между 1127 и 1144 годами. После смерти Ростислава Володаревича предположительно в конце 20-х гг. (причастен ли был к ней Володимерко Володаревич?) его младший брат Володимерко Володаревич мог «законно сесть» в Перемышле только в результате согласия на это Васильковичей, владевших Теробовлем, и великого киевского князя Всеволода Ольговича, союзниками которого последние выступают. Условием вокняжения Владимирко в Перемышле могло быть предоставление Звенигородского удельного княжества, бывшего княжества самого Володимерка, во владение сыну покойного Ростислава Володаревича Ивану Ростиславичу. Помимо Звенигородского княжества, Ивану Ростиславичу могли быть предоставлены и какие-либо придунайские владения перемышльского и теробовльского княжеств (земли Берлади). К 1140 г. Галич является мощным административным центром, уже «обогнавшим» Теробовль, бывший резиденцией Ивана Васильковича. И Владимирко Володаревич (сообщение летописи 1140 г.), и Иван Ростиславич (если достоверны известия грамоты Берладника, включая условия ее переписки в XIV-XV вв.) в 30 — самом начале 40-х гг. формально или реально зависели от стола в Галиче, что и отразилось в сообщении летописи 1140 г. и грамоты Берладника 1134 г.

Не исключено, что Звенигородское княжество было пожаловано Ивану Ростиславичу после 1134 г. (так как в грамоте нет ни слова о Звенигороде) и даже после 1141 г., когда Владимирко Володаревич занял Галич после смерти Ивана Васильковича. Возможно, что в этом случае условием вокняжения перемышльского князя в Галиче и было выделение Ивану Ростиславичу Звенигорода. Звенигород по своему положению потенциального центра мог конкурировать с Галичем (Котляр 1985: 78), и это обстоятельство учитывал в своей политике великий киевский

князь Всеволод Ольгович.

Когда Владимирко Володаревич «сел» в Галиче, объединив земли и Перемышльской, и Теробовльской волостей, он не мог не видеть в Иване Ростиславиче своего врага и особенно врага своего сына Ярослава. Совершенно прав Н.Ф.Котляр, когда пишет: не следует забывать о том, что в сравнении с Ярославом Владимировичем Иван Ростиславич имел преимущественные права на галицкий стол (которому принадлежали бывшие перемышльские земли), ведь он был сыном старшего из Володаревичей, Ростислава (Котляр 1985: 104). Конфликт между Владимирко Володаревичем и Иваном Ростиславичем, которого, как потенциального претендента на галицкий стол, поддерживали и великий киевский князь Всеволод Ольгович, и его сюзерены, был действительно неминуем. События 1144 г. и выразились в попытке Ивана Ростиславича «почти законно» сесть в Галиче.

Не вдаваясь более в анализ системы престолонаследия в Древней Руси вообще и прав Ивана Ростиславича на галицкий стол в частности, заметим: Иван Берладник считал себя вправе занять галицкий стол и хотя бы по этой причине мог издавать документы, называя себя и удельным галицким князем, и даже галицким князем.⁴

Любопытно, что галицкие бояре, спустя столько лет после смерти Ивана Ростиславича в Солуни в 1162 г., в 1189 г. вспомнили про его сына Ростислава Берладничича, служившего в это время смоленскому князю Давыду Ростиславичу, и тоже пригласили в Галич княжить. Таким образом, не только сам Берладник, но и его род имел на это право, исходя из определенной логики галичан и всех вышеперечисленных лиц.

Но продолжим рассмотрение аргументов исследователей, считавших грамоту подложной. И.Богдан, доказывая подложность грамоты, логически некорректен. Он изначально признает фальсифицированность грамоты, а уж затем, исходя из этой посылки, доказывает ее подложность. И.Богдан говорит, что Иван не мог получить от галицких князей удела «Берладского», так как «он был их непримиримым врагом». Отношения между Иваном и его дядей Владимиром Володаревичем, согласно летописям, испортились после событий 1144 г. и, если исходить не из изначального условия подложности грамоты, а ее аутентичности или достоверности сведений, которые послужили источниками для ее фабрикации, то вполне логично предположить, что в 1134 г. отношения между Иваном и Владимирко Володаревичем формально были настолько мирными, что последний мог бы отдать в удел звенигородскому князю прилегающий к низовьям Дуная район. Я упомянул о Владимирко Володаревиче в этом моменте чисто условно, чтобы показать, насколько формаль-

⁴ Вспомним, как великие самозванцы в истории Руси не «стеснялись» издавать документы под именем и статусом, которых добивались.

но некорректен И.Богдан. На самом деле он не прав и по сути. До 1141 г., как мы видели, в Галиче «сидел» Иван Василькович, после смерти которого в нем стал княжить Владимирко Володаревич.

И.Богдан говорит, что Иван Берладник не мог «состоять в зависимости» от галицкого князя, поскольку «в 1134 г. соединенное Червонно-русское княжество еще не существовало: оно создано только в 1144 г.» Рассмотрим и это суждение.

1144 г. — это, конечно же, не год создания Галицкого княжества. В 1144 г. Владимирко Володаревич захватил звенигородские земли вошедшего с ним в конфликт Ивана Ростиславича. То есть после этого все земли галицкой земли оказались в одних руках — Владимирко Володаревича. Н.Ф.Котляр доказал, что будущая галицкая земля развивалась из территории, в основном, двух волостей — Перемышльской и Теробовльской (Котляр 1985: 76-81). И если исходить из формального признака — объединения Перемышльской и Теробовльской волостей, то это произошло в 1141 г., а не в 1144.

Но Галич в летописях впервые упомянут в 1140 г., и не просто как обычный город, а как резиденция князя Ивана Васильковича, которому еще до 1140 года достался теробовльский стол после смерти его старшего брата Григория (Ростислава) Васильковича. Мы не знаем, когда это событие произошло, но это и неважно. В любом случае, Иван Василькович не перешел в Теробовль, а сидел в Галиче. Значит, это был уже крупный административно-политический центр, превосходивший старый — Теробовль. В 1141 г. и Владимирко Володаревич не остался в своей резиденции в Перемышле, а «сел» в Галиче.

Василько Ростиславич умер в 1125 г. Его сыновья: старший — Григорий (Ростислав) и младший Иван (Игорь) — оба княжили в отцовском домне, в Теробовльской волости. Как считает Н.Ф.Котляр, Григорий был, по-видимому, старшим среди них, поскольку сидел в Теробовле, а Ивану достался новый стол — в Галиче (Котляр 1985: 79). Летописи молчат о событиях в Перемышльской, Теробовльской и Звенигородской землях с 1125 по 1140 годы. Поэтому мы не знаем, когда умер Григорий Василькович и Иван Василькович стал полновластным хозяином Теробовльской волости, оставаясь при этом «сидеть» в Галиче. Даже если в 1134 г. Григорий был еще жив, все равно в это время в Галиче стол уже существовал, так как в нем сидел младший Василькович — Иван.

Поэтому, несмотря на то, что Галич в летописях впервые упомянут в 1140 г., я не вижу формальных препятствий для того, чтобы Иван Ростиславич в грамоте 1134 г. мог называть себя князем от стола Галицкого. Если же в 1134 г. Григория уже не было в живых, а это, учитывая свидетельства 1140 г., вероятно, то галицкий стол представлял собой главный (а не уездный)

политический центр Теробовльской земли. Вполне возможно, что княжество уже и называлось Галицким, ведь с 1125 по 1140 гг. летописи никак его не называют, а с 1140 г. для Теробовльской волости и с 1141 г. для объединенных Владимирко Володаревичем Перемышльской и Теробовльской земель центром неизменно называется Галич.

Вот как о событиях 1141 г. сообщает летопись: «Сего же лета преставися у Галичи Василкович Иван, и прия волость его Володимерко Володаревич; седе во обою волостью, княжа в Галичи» (ПСРЛ II, 221; Котляр 1985: 80). Как мы видим, Теробовль не упоминается вообще. Речь идет о волости, в которую входила Теробовльская земля и центром которой был Галич. Но тогда меняется весь контекст критики сведений грамоты 1134 г. Иван Ростиславич мог быть уже в этом году князем от стола галицкого, но галицкий стол в это время был административно-политическим центром «бывшей» Теробовльской земли, а не объединенной галицкой (теробовльская + перемышльская) земли, как это понимают И.Богдан и его последователи. Поэтому вопрос о взаимоотношениях Ивана Ростиславича и Владимирко Володаревича относительно 1134 г. сам собой отпадает.

Каким образом Иван Ростиславич, сын бывшего перемышльского князя Ростислава Володаревича, в 1134 г. мог бы считать себя князем, зависимым от стола Галицкого, на этот вопрос я попытался ответить выше, когда говорил, каким образом он смог стать звенигородским князем, а его дядя Владимирко Володаревич — перемышльским, а затем и галицким.

Таким образом, если исходить из всего вышеизложенного, а также если считать достоверными сведения грамоты 1134 г. (или списка с этой грамоты, сделанного в XIV-XV вв.), то наиболее раннее упоминание Галича. На 6 лет раньше, чем летопись, упоминает Галич грамота Берладника. В 1140 г. Галич — это не просто большой город, это резиденция князя Теробовльской земли. Само же упоминание грамотой 1134 г. Галича под этим годом, более ранним, но столь близким к первой летописной дате, может быть косвенным аргументом в пользу ее достоверности или, по крайней мере, достоверности сведений, которые в ней сообщаются.

Тем более логически некорректным выглядит утверждение И.Богдана: раз грамота датирована 1134 г., то есть ранее, чем упомянуто Галицкое княжество, значит, Иван Ростиславович не мог состоять в зависимости от Галича, как это, по его мнению, вытекает из смысла текста грамоты. А это, по И.И.Богдану, означает в свою очередь, что «содержание грамоты не сходит с довольно многочисленными известиями русской летописи об Иване Берладнике». Но ведь это последнее утверждение как раз и является, по И.Богдану, признаком подложности грамоты с исторической точки зрения. Он в достоверность грамоты изначально не верит, поэтому

признак, свидетельствующий о подложности грамоты, доказывается им при помощи факта ее подложности. Налицо явная нелогичность аргументации И.Богдана.

Этот момент в аргументации И.И.Богдана популярен в румынской историографии. Исследователи пишут: до 1144 г. Иван Ростиславич правил в Звенигороде, его деятельность в Подунавье и Галиче по летописям началась только после 1144 г. (Мохов 1964: 83). В такой ситуации хочется задуматься: а не производится ли насилие над источником? Разве упоминание летописи о правлении Берладника в Звенигороде (в 1144 г.! Когда же он там стал править, летопись не сообщает) исключает возможность его более раннего или одновременного владения землями Берлады или просто пребывания там? Разве летопись, повествуя об эпизоде 1144 г., говорит о том, что Иван Ростиславич первый раз оказался на Дунае? Как раз наоборот, контекст двух упоминаний летописью дунайских эпизодов жизни Берладника свидетельствует скорее, что в 1144 г. он на Дунае был не в первый раз. Рассмотрим и этот момент.

Иван Ростиславич после поражения под стенами Галича в 1144 г. бежит сначала на Дунай, а потом степью в Киев. Возникает вопрос: почему не сразу в Киев, где ему было гарантировано покровительство могущественного великого князя Всеволода Ольговича? Видимо, потому, что Берладник мог рассчитывать или укрыться в Берлады, или собрать там военный потенциал для продолжения борьбы с Владимиром Володаревичем. И то и другое требовало наличия на Дунае того самого военного потенциала, или, иначе говоря, преданного ему воинского контингента, который смог бы выступить в его защиту. Того самого контингента, который не покинул его, как половцы, во время осады Ушицы. Того самого контингента, с помощью которого он грабил купеческие корабли и галицких рыбаков. Ивана Ростиславича должны были знать на Дунае, чтобы он мог рассчитывать на поддержку местного населения.

Любопытно, что когда коалиция враждебных Берладнику сил во главе с Ярославом Галицким потребовала от великого князя Изяслава Давыдовича выдать его им, Иван Ростиславич, несмотря на то, что киевский князь отказался это сделать, все-таки бежит на Дунай в Берладь. И это после «первого» его опыта 1144 г. И как факт, берладники его поддержали. Все это не может не наводить на предположение, что Иван Ростиславич в 1144 г. был не в первый раз на Дунае. Поэтому я считаю: нельзя утверждать, что «деятельность Ивана Берладника в Подунавье по летописям началась только после 1144 г.». Исходя из анализа летописных данных, это можно только предполагать, поскольку, как я показал выше, вероятны и другие аргументированные варианты решения этого вопроса.

Рассмотрим и другие доводы сторонников идеи подложности грамоты. Все исследовате-

ли отмечают такой момент, как летоисчисление в грамоте, которое указано от Рождества Христова, в то время, как в галицких и молдавских документах таковое появляется в XIV в. Возможны два варианта решения этого вопроса.

Первый: в грамоте, изданной в 1134 г., действительно указан год от Рождества Христова. Как видно из текста грамоты, города в Берладской земле были активно посещаемы купцами из Руси, Венгрии и Чехии. Но именно в последних двух странах в это время было принято такое летоисчисление. Например, им пользуется Козьма Пражский — хронист второй половины XI — начала XII в. (Козьма Пражский 1962).

Второй: в первоначальном тексте грамоты было указано традиционное для южнорусских и болгарских документов того времени летоисчисление, но переписчик более позднего времени с целью сделать текст грамоты, который имел практическое, жизненно важное для его времени значение, более понятным современникам, перевел его на понятное всем летоисчисление от Р.Х. Возможно, при этом пересчете была допущена переписчиком ошибка: на эту мысль наталкивает «очень круглое» число «десять» разницы дат 1134 и 1144 гг. Последняя, как указывает летопись, связана с приходом Ивана Ростиславича на Дунай.

Рассмотрим еще один довод противников аутентичности грамоты 1134 г.: города Месембрия и Малый Галич в XII в. не существовали. Но разве это можно утверждать? Малый Галич исследователи часто связывают с современным румынским Галацем на Дунае. Но, кроме грамоты Берладника, нет данных о существовании в XII в. Галича на Дунае, — полагают исследователи. Так ли это? А.Петрушевич еще в 1865 г. отождествил город Галисийа сочинения арабского географа ал-Идриси (1154 г.) с Галичем на Дунае (Петрушевич 1865: 37-38). Большинство авторов отождествляют упомянутое ал-Идриси название с Галичем на Днестре. Но, что показательно, мнение А.Петрушевича не нашло поддержки в историографии не в силу аргументации исследователей в пользу Галича на Днестре, а из-за сомнений в подлинности грамоты Берладника (Коновалова 1991: 47). Исследователи отказываются от подтверждения достоверности сведений грамоты Берладника независимыми сведениями ал-Идриси из-за сомнений в подлинности грамоты. Опять мы видим все тот же заколдованный круг.

Востоковеды считают, что название Галисийа в передаче ал-Идриси соответствует названию западноевропейских источников, а не выводится непосредственно из славянского «Галич» (Коновалова 1991: 47). Естественным вытекает предположение, что этим источником для ал-Идриси была информация тех самых купцов, сопровождавших венгерские и чешские товары по грамоте Берладника. Правобережье Нижнего Дуная и придунайские земли, судя по всему, были знакомы ал-Идриси лучше, чем отдален-

ные от Дуная земли Поднепровья (Коновалова 1991; Овчинников 1994).

Как показали работы Б.А.Рыбакова и других авторов, следовать за картой в интерпретации сообщения ал-Идриси о Галисийа невозможно, не приходя в противоречие с его текстом. Это, по мнению И.Г.Коноваловой, является косвенным свидетельством того, что город Галисийа стоял не на Днестре. Характер информации ал-Идриси об этом городе показывает, что он являлся русским, «причем пограничным населенным пунктом» (Коновалова 1991: 51; Рыбаков 1952: 14-32). Отметим, что город Галич, бывший во времена Идриси административно-политическим центром большого сильного княжества, никак не ассоциируется с «пограничным населенным пунктом».

Больше не настаивая на отождествлении города Галисийа ал-Идриси с Малым Галичом (Галацем?), хочу высказать следующее замечание. Нелепым выглядит предположение, что вблизи места возле последнего крутого поворота Дуная к Черному морю, вблизи места, где в реку Сирет вливаются крупные притоки, где сам Сирет и Прут вливаются в Дунай, не было города, о названии которого может напоминать название современного города Галац (рис. 1).⁵

Еще более странным выглядит суждение о том, что в XII в. не существовало города Месемврии (совр. Несебыр) — важнейшего торгового центра, согласно Константину Багрянородному, конечного пункта торговых экспедиций россос, совершающих плавание по пути «из варяг в греки» (Константин Багрянородный 1991: 51). И позднее упоминается город Месемврия в византийских источниках, например, в связи с богимилами в 1079 г. (Цанкова-Петкова 1980: 64).

Источником подделки грамоты И.Богдан считает отрывок летописи, называющий Ивана Ростиславича под 1149 г. берладским князем (НПЛ: 28). Часть исследователей на основании этого выражения полагает, что можно говорить о Берладском княжестве, часть, как мы видели, это отрицает. В.Б.Перхавко считает, что этому упоминанию нет смысла придавать какого-либо значения, поскольку летопись только один раз его так называет, «да и то, скорее, иронически» (Перхавко 1996: 72).

Мне кажется, следует обратить внимание, что летописи очень разнообразно называют Берладника: Иван, Иван Ростиславич, Берладник, Иван Ростиславич «*рекшему Берладнику*». Наиболее употребительны первые две формы. Поэтому нет никаких оснований считать, что выражение «берладский князь» было случайным из-за его единичности. Еще меньше я вижу

⁵ В этом районе (совр. г. Мэчин вблизи Галаца), но на правом берегу Дуная локализуется знаменитый Дичин, Дисина, Дцин, Вичин. Последней работой, где затрагивался вопрос о Дичине — Дцине — Вичине, была монография И.Г.Коноваловой (Коновалова 1991: 44-46). Там же представлены и итоги продолжавшейся почти сто лет дискуссии.

оснований думать, что летопись назвала Берладника таким прозвищем иронически.⁶

В качестве источника фальсификации грамоты Берладника В.Б.Перхавко предлагает рассматривать летописную речь Святослава 969 г. о значении Переяславца на Дунае и грамоту молдавского господаря Александра Доброго львовским купцам 1407 (1408) г., в которой г.Берлад впервые упомянут вообще и как место сбора пошлин в частности (ПВЛ: I, 48; ИСв: I, 42; Перхавко 1996: 74). С В.Б.Перхавко можно согласиться, но с одной оговоркой: источником фальсификации, если она имела место, могли быть не только упомянутые документы, но и сам факт оживленных торговых отношений на Нижнем Дунае в период средневековья.

В плане предложенного источника фальсификации речь Святослава могла бы фигурировать, если бы фальсификация имела место не ранее середины XIX в. Но и в этом случае вызывает сомнение несоответствие по «национальному» облику товаров, указанных в двух документах. Что заменило греческие товары речи Святослава в грамоте Берладника? Ведь Берладское княжество рассматривается сторонниками аутентичности грамоты как русское, а некоторыми — как галицкое удельное княжество. К этому моменту стоит вернуться чуть позже, при рассмотрении проблемы локализации летописной Берлады.

Подведем некоторые итоги. Летописные сообщения о Берладии, берладниках и Иване Ростиславиче, достаточно определенные и ясные, не вызывают особых споров исследователей. Совсем другое отношение к такому источнику, как Грамота Берладника 1134 г.

Предлагаемое исследование показало, что вопрос о подложности грамоты нельзя считать решенным, как это представляется в работах последних десятилетий. Разбор аргументов сторонников подложности грамоты, свидетельствующих о «несоответствии грамоты историческим реалиям», показал, что мнение, будто оно «обстоятельно доказано» И.Богданом, А.И.Соболевским, П.Панаитеску и другими исследователями, не соответствует действительности.

Лингво-филологические доказательства, представленные еще в прошлом веке А.И.Соболевским, свидетельствуют только о том, что текст написан в XIV-XV вв. в орфографических и лингвистических традициях молдавских и

⁶ Даже если ирония летописца имела место, что из этого следует? Например, то, что Иван Берладник в 1149 г. являлся в глазах летописцев «князем без княжества», «князем-изгоем», предводителем берладников, в которых исследователи уже второе столетие видят прообраз казаков? Но разве из этого следует, что в 1134 г. Иван Ростиславич не мог владеть какими-то землями на Нижнем Дунае? Не думаю, что мы вообще потенциально способны адекватно воспринять иронию столь «серьезных» авторов, как летописцы. Слишком много времени нас от них отделяет.

болгарских документов этого времени. А это сразу ставит вопрос о переписывании грамоты (возможно, многократном) в последующие после XII в. эпохи. Необходимость ее переписки в «молдавское» время могла быть вызвана стремлением «продолжить традицию» торговых льгот для некоторых городов. Для того, чтобы ее сделать ясной и понятной современникам, и были внесены те орфографические и редакторские изменения, которые служат свидетельством подложности грамоты у некоторых исследователей.

В то же время я не исключаю возможности, что грамота была сфальсифицирована в это же время для того, чтобы показать упомянутую предшествующую традицию. Но тогда я хотел бы заметить следующее. По моему мнению, при ее фальсификации в XIV-XV вв. были использованы достоверные письменные источники или реальные исторические сведения устной тради-

ции, восходящие к предшествующему времени.

Таким образом, в вопросе о грамоте возможны три варианта решения: 1) к Б.Хашдеу попал подлинник грамоты; 2) к Б.Хашдеу попал не оригинал грамоты, а список с нее, сделанный в XIV-XV вв.; 3) к Хашдеу попал фальсификат, изготовленный в XIV-XV вв, но при фабрикации которого были использованы достоверные исторические источники и сведения. Полагаю, что нет оснований, считать, что фальсификат был сделан самим Б.Хашдеу или в близкое к нему время. Из трех вышеупомянутых вариантов решения о происхождении грамоты наиболее вероятным считаю второй, хотя совсем исключить остальные два считаю неправомерным. Новые дополнительные доказательства в пользу достоверности сведений, сообщаемых грамотой Берладника, я представляю в следующем разделе, посвященном обсуждению локализации и статусу Берлады.

Где находилась летописная Берладь? (представление гипотезы)

Вопрос о локализации Берлады, как это ни странно, далек от окончательного решения. Казалось бы, наличие одноименной реки вблизи Дуная и города с названием Бырлад на этой реке (рис. 1) должно было бы почти автоматически решить этот вопрос. Однако этого не произошло. Исследования румынских археологов на территории современного города Бырлада не обнаружили следов городской жизни для этого времени, слои XII-XIII вв. вблизи современного города выражены чрезвычайно слабо, представлены материалами поселений сельского типа культуры Рэдукэнь. Материалы, характерные для древнерусских поселений, в этом районе не найдены. Нет археологических доказательств, — считают современные румынские археологи, — в пользу существования на юге Молдовы древнерусского, подчиненного Галичу, княжества (Spinei 1994: 178).

К сожалению, именно результаты исследований археологов в последние десятилетия настраивают ученых на пессимистический лад в изучении проблем, связанных с берладниками.⁷

Характерными стали заявления, аналогичные тому, какое сделал И.О.Князький: «Долгое время некоторые историки полагали, что в южной

части Днестровско-Карпатских земель в XII в. существовало Берладское княжество с центром на месте современного города Бырлада. Углубленное изучение письменных источников (наверное, имеется в виду сомнение по поводу подлинности грамоты 1134 г.? — P.P.) и привлечение археологических материалов показало, что это мнение не соответствует истине» (ИМ I, 254-255).

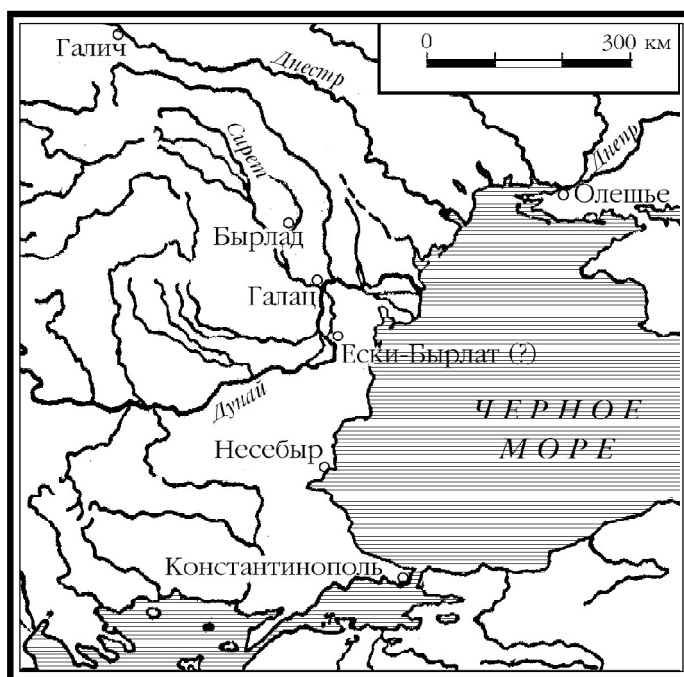
Налицо нелогичность подобных рассуждений. Разве тот факт, что на месте современного города Бырлада археологи не обнаружили средневековых слоев XII-XIII вв., может являться доказательством того, что Берладское княжество, земля берладников, летописная Берладь никогда не существовали? Отсутствие предлагают считать окончательным доказательством. *Argumentum ex silentio non est argumentum*. Летописная Берладь — это не историческая фикция. Ее существование зафиксировано в источниках, не вызывающих сомнения своей достоверностью, — русских летописях. Окончательным доказательством быть не может, но может дать другое направление нашим поискам.

Вспомним даже в истории Молдовы примеры, когда средневековые города в силу разных причин заустевали, а в другом месте возникали новые, но с тем же названием (например, Старый Орхей — Бырня 1991а: 5). Именно последнее наблюдение и подсказало мысль, что современный город Бырлад мог и не входить в летописную Берладь, а связан названием с прежним, другим местом локализации данного формирования.

ваясь на цифровых данных арабского географа (которым, как она же показывает, не всегда можно доверять) и «обеспеченности богатыми археологическими материалами за XII в.» (?) (Овчинников 1994: 49; Коновалова 1991: 52).

⁷ Оптимизм исходит от недавней небольшой заметки киевского исследователя О.Овчинникова, отождествляющего город Секлахи сочинения ал-Идриси, подписанный на карте между Днестром, Дунаем вблизи Карпат, с летописной Берладью. Об этом городе нет никакой информации в тексте сочинения ал-Идриси. Овчинников не привел аргументы в пользу своей точки зрения и не соотнес свои исследования с исследованиями И.Г.Коноваловой, специально посвятившей изучению известий ал-Идриси о Карпато-Днестровских землях значительную часть монографии. Сама И.Г.Коновалова отождествляет город Секлахи с городом Пятра-Нямц в Запрутской Молдове, основы-

Рис. 1. Локализация Берлады.

Изучение данных топонимики, лингвистики, письменных и археологических источников привело меня к гипотезе, что Берладь (или ее центр) размещалась не в районе современного Бырлада и даже не на левом берегу Дуная, а на его правом берегу, уже не в Южной Молдове, а в северо-западной Добрудже, непосредственно

на Дунайском побережье. Это не означает, что сама область берладников не могла простираться на север до Берладского плато, но реальный исторический центр этой области находился в указанном месте. Рассмотрим аргументы, которые, могут быть положены в систему доказательств данной гипотезы.

1. Данные топонимики

Обратившись к монументальному труду по исторической географии Н.П.Барсова, среди предлагаемых им топонимов, связанных с историческими событиями, отраженными в русских летописях, я обнаружил любопытное название населенного пункта в Добрудже. Это название уже не появлялось на современных Н.П.Барсову картах, но оно фигурировало на более древних. Назывался этот населенный пункт «Ески-Бырлат» (тюркск. «Старый Бырлад»). Размещался он, согласно Н.П.Барсову, «по дороге из Базарджика (Пазарджика) в Гирсов (совр. Хиршово) (близ него к юго-востоку по дороге в Кистенджи)» (Барсов 1885: 115) (рис.1). Учитывая закономерности в распространении

топонимов, возникает предположение, что если есть «Старый Бырлад», то, естественно, где-то должен быть и «новый». Поскольку «нового» Бырлада в окрестностях нет, то под новым вероятнее всего предполагать современный город Бырлад, который возник, по мнению некоторых исследователей, не позднее XIII в. (Перхавко 1996: 73). Нельзя не обратить внимания на такие особенности локализации «Ески-Бырлата», как расположенность вблизи дунайского берега, близость к г.Мэчин (предполагаемый Дичин), Галацу (предполагаемый Малый Галич), близость к другим нижнедунайским центрам, в том числе Малому Преславу — Переяславцу на Дунае русских летописей (Перхавко 1988: 68-73).

2. Данные лингвистики

Какова этимология слова «Берладь»? М.Фасмер полагает, что в лингвистическом отношении оно связано с русским словом «берлога». В славянских языках слово «берлога» и близкие означают следующее: болг. *бърлок* «мусор, мутные помои», «лужа»; сербохорватским *брлага*, что означает «лужа», «логово», «мусорная свалка»; в чешском и словенском — «логово, пещера, убежище»; польском — «мусор, нечистоты»; и т.д.

По мнению М.Фасмера, это слово связано с литовским *burlungis* — «топкое место» (Фасмер 1996: I, 157-158). В румынский язык это слово проникло, видимо, из славянских языков — *bârlog* и означает «логово», «пристанище, убежище». Итак, мы видим, что основной смысловой контекст этого слова означает — «лужа», «топкое место», «мутные потоки», но также представлен контекст — «логово», «убежище».

Если обратить внимание на размещение «Ески-Бырлата» (рис.1), то сразу поражает смысловое соответствие с его названием слова «берлога». Старый Бырлад размещался неподалеку от Хиршова. Это место на берегу Дуная в его низинах, в тех местах, где у него чрезвычайно широкое течение, где его русло разветвляется на мелкие рукава. Эти места чрезвычайно топкие и заболочены. Само Хиршово расположено между прибрежным местом, называемом «Балта Яломицей» (выше по течению), при переходе его в место, называемое «Балта Брэиле» (ниже по течению).⁸

Интересно в плане отмеченного соответствия посмотреть на географическое положение современного Бырлада. Город расположен на юге прикарпатского плато, высота которого (выше 500 м над уровнем моря) сравнима с внутренними областями соседней Трансильвании. То есть в отношении современного Бырлада соответствия с этимологией слова Берладь нет. Это не может не наводить на мысль, что в данном районе это название могло быть привнесенным из другого места, где данное соответствие имеется, а именно — из более южных придунайских районов.

Однако интересен и другой контекст — «логово», «убежище». Исследователи давно пришли к заключению, что берладники — это придунайская вольница, прообраз или предтеча позднейшего казачества. Упоминания летописей об их

пиратских ограблениях Олешья, а также участие в не очень благовидных военных мероприятиях Ивана Ростиславича, таких, как ограбление купеческих кораблей, действительно дают основания так считать. М.Фасмер полагает, что само слово «берладник» могло означать «авантюрист, грабитель из области Берладь» (Фасмер 1996: I, 157). В самой Берлади некоторые исследователи видели что-то вроде Запорожской Сечи. В.П.Шушарин, ссылаясь на данные румынского исследователя Т.Балана, приводит интересные данные о значении слова «берлад» в немецкоязычных грамотах Буковины второй половины XVII-XVIII вв. В буковинских грамотах «берладским путем» называется не дорога, ведущая на Бырлад, а «воровской», «разбойничий» путь — «берладский путь, называемый также разбойничьей дорогой» (Шушарин 1972: 172; Balan 1928: 20-21).

Учитывая также и то, что в румынский язык слово «берлога» проникло только в значении «логово», «убежище», в то время как слова *болото*, *топи* и т.д. представлены иными словами, родственными по происхождению славянским (сравните рум. «балта» — русс. «болото»), но не содержащими контекста «логова», можно предполагать, что в какой-то период слова, связанные со словом Берладь и означающие первоначально «топкие заболоченные места», благодаря «разбойничьей деятельности» жителей Берладской области стали нарицательными.

3. Данные письменных источников

В обоснование предложенной гипотезы можно представить ряд наблюдений, основанных на анализе данных письменных источников.

В летописном сообщении 1159 г. говорится, что Иван Ростиславич Берладник ушел в поле к половцам, пошел с половцами и «*ста в городах подунайских*» и там захватил два кубаря с товарами и, видимо, там же «*пакостяше*» галицким рыбакам (ПСРЛ II, 497). Эти мероприятия никак не «вяжутся» с местоположением современного Бырлада. Река Бырлад впадает в р.Сирет, которая, в свою очередь, впадает в Дунай. И галицкие рыболовы, и купеческие корабли вряд ли могли оказаться так далеко от Дуная. Вообще трудно представить себе, чтобы город Бырлад (если говорить о современном городе) мог входить в понятие летописца в число «подунайских городов», поскольку его отделяет от Дуная около сотни километров. Исходя из контекста византийских, восточных и русских источников, в понятие «подунайские города» входили города, расположенные непосредственно на берегу Дуная, причем для этого времени — только правобережные. Размещение центра Берлади на правом берегу Дуная в

районе Хиршова полностью отвечает контексту употребления понятия «подунайские города».

В летописном известии 1160 г., в котором сообщается, что киевский князь Ростислав послал Георгия Нестеровича и Якуна вдогонку за берладниками, ограбившими Олешье, говорится, что берладников настигли у Дциня (Дичина) и там «*избиша я и полон взяша*» (ПСРЛ II, 505). Исследователи не обращали внимания на нелогичность маршрута, которым берладники, нагруженные награбленным добром, уходили от киевлян. Берладники не вошли в реку Сирет, чтобы затем попасть в реку Бырлад к родным берегам. Если берладники не знали о преследовании киевлян, тогда тем более непонятно, почему они, не свернув на Сирет, поплыли дальше по Дунаю и оказались в районе Дичина. Однако все эти несообразности и нелогичности возникают при локализации Берлади на реке Бырлат, но сразу устраняются при локализации Берлади, предлагаемой нами теперь. Дичин (совр. Мэчин) находится на правом берегу Дуная (на 60 км «по прямой») ниже по течению, чем Хиршова. Берладники, уходя от погони, попросту не успели доплыть до «старого» Бырлата.

Локализация Берлади в районе современного г.Бырлада не могла объяснить активной деятельности Ивана Ростиславича на Дунае:

⁸ В румынском языке слово «balta» переводится достаточно однозначно — озеро, болото, стоячая вода, топь, лужа.

ведь Берладь находилась в стороне от «стратегического простора» и никаких выгод не сулила. Предлагаемая локализация Берлады позволяет представить, каким образом берладники могли бы «пакостить» галицким рыболовам, спускающимся вниз по Днестру или Пруту к Дунаю и Черному морю.

Рассмотрим еще некоторые моменты, исходя или из условия достоверности грамоты Берладника, или ее фальсификации, при которой были использованы достоверные исторические сведения. При «старой» локализации Берлады из трех перечисленных в грамоте городов она располагалась дальше всех от Дуная. Еще неизмеримо дальше она располагалась от Месемврии. Было непонятно, какую стратегическую торговую выгоду сулило плыть месемврийским купцам по реке Бырладу, истоки которой терялись в пространстве между Прутом и Сиретом. Гораздо выгоднее было бы плыть им по Дунаю, по Пруту и по Днестру, что предлагало несопоставимо огромные рынки сбыта. Предлагаемая локализация Берлады эту нелогичность грамоты Берладника устраняет. Берладь «стала» намного ближе к Месемврии, намного ближе двух других упомянутых в грамоте городов. И что очень важно, при «новой» локализации «появляется» экономическая целесообразность в установлении князя Ивана Ростиславича.

В установлении Ивана Берладника месемврийские купцы были освобождены от платы пошлин при складировании товаров («изклад») в Малом Галиче, но должны были ее платить в Берлади и Текуче. В то же время при операции с товарами «на извоз» (место причала и выгрузки товаров) купцам из Месемврии нужно было платить только в Малом Галиче. Купцы из Месемврии могли попасть в Берладь, Малый Галич и Текуч (современный Текуч расположен на реке Бырлад недалеко от места впадения ее в реку Сирет) морским путем до устья Дуная, затем по Дунаю до города Малый Галич. Далее, чтобы попасть в Берладь (по предлагаемой локализации), им нужно было еще плыть дальше по Дунаю, а чтобы попасть в Текуч, им нужно было в районе Малого Галича свернуть в реку Сирет, а затем по ней добираться до реки Бырлад и города Текуча. Таким образом, цель установления Ивана Ростиславича становится ясной: способствовать превращению Малого Галича в крупный перевалочный пункт товаров на Нижнем Дунае и при этом поощрить месемврийских купцов плыть в более дальние и труднодоступные районы и доставлять товары в города Берладь и Текуч.

Еще на один момент в тексте грамоты Ивана Берладника необходимо обратить внимание в свете предлагаемой гипотезы новой локализации Берлады. В грамоте упомянут ряд товаров различной «национальной» принадлежности. Порядок их перечисления следующий: «местные», «венгерские», «русские» и «чешские».

Во-первых, сразу бросается в глаза противопоставление товаров местных и русских. Это еще раз подтверждает выводы, сделанные на основании летописного эпизода 1174 г. (Андрей Боголюбский отсылает Давида Ростиславича за пределы Русской земли в Берладь), о том, что Берладь нельзя рассматривать в качестве русского княжества.

Во-вторых, в списке товаров не названы товары византийские⁹, которые, учитывая географическое положение Берлады, должны были бы присутствовать обязательно. Ведь упомянуты даже чешские товары, которые должны были проделать путь гораздо более далекий — еще из-за пределов Венгрии. Это тем более очевидно, поскольку грамота дается купцам Месемврии. Если бы Берладь находилась на левобережье Дуная, в Сиретско-Прутском междуречье, то наряду с другими «этнически» определенными товарами должны были бы быть обязательно упомянуты византийские (греческие) товары. Поскольку последние не упомянуты, а грамота дается купцам Месемврии, то можно придти к выводу, что понятию «товары местные» более или менее адекватно понятие «товары греческие, византийские». Следовательно, исторический центр Берлады находился в византийских пределах, а значит, на правобережье Дуная. О том, что земли Берлады лежат в византийских пределах, свидетельствуют данные и других, менее «сомнительных», чем грамота 1134 г., письменных источников. Их сведения я разберу чуть ниже.

В-третьих, любопытен сам порядок перечисления «этнически» определенных товаров: местные, венгерские, русские, чешские. Если придерживаться «старой» локализации Берлады на р. Бырлад, то закономерность в порядке перечисления обнаружить трудно. Но если исходить из локализации Берлады на правобережье Дуная, то эта закономерность достаточно очевидна: товары перечислены в порядке возрастания сложности их транспортировки в Берладь. Наиболее доступными, безусловно, являются товары местные, под которыми естественно понимаются «греческие». Далее следуют товары венгерские. Их транспортировка в Берладь достаточно проста — по течению Дуная вниз: из Среднего («Венгерского») Подунавья в Нижнее («Византийское»). Далее названы товары русские. Их путь в Берладь сложнее: или морским путем, как часть пути «из варяг в греки», описанного Нестором и Константином Багрянородным, до Дуная, или из пределов Галицкой земли по Пруту и Сирету до Дуная, или, более вероятно, — по Днестру в Черное море, а затем по Дунаю. Путь русских товаров в Берладь сложнее и длиннее, чем путь венгерских. Зато путь чешских то-

⁹ Поскольку во времена Ивана Берладника территория Болгарии входила в состав Византии, то мы будем ее называть византийской или, следуя летописям, греческой.

варов, названных последними, наиболее протяжен и сложен: или в Венгрию и затем по «венгерскому» пути — по Дунаю, или севернее Карпат до галицких земель и затем по «русскому» пути, то есть пути русских товаров в Берладь.

Поскольку в ходе дальнейшего изложения аргументов в пользу выдвинутой гипотезы я не буду больше обращаться к данным текста Грамоты Берладника, хотелось бы обратить внимание на следующий момент. Сведения грамоты Берладника, несмотря на сомнения в ее подлинности, удивительным образом подтверждают гипотезу локализации Берлады в месте, указанном теперь мной. Но, как мы видели, и данные русских летописей подтверждают данную локализацию. В таком случае нельзя не признать, что сведения грамоты 1134 г., независимо от степени ее аутентичности, достаточно достоверны и соответствуют историческим реалиям. Б.Хашдеу не высказывался в пользу локализации Берлады на правобережье Дуная. Очевидно, он придерживался традиционной точки зрения и связывал летописную Берладь с современным ему Бырладом. Поэтому он не мог настолько продумать и так составить текст грамоты, чтобы он наиболее полно соответствовал и условиям «новой» локализации и не противоречил летописным данным, также соответствующим данной локализации. Исходя из этого, я еще раз могу констатировать, но уже на базе новых, только что полученных наблюдений: Грамота Берладника не могла быть сфальсифицирована Б.Хашдеу и вообще в его время, и, независимо от характера ее происхождения, я признаю, что грамота содержит исторически достоверные сведения.

Рассмотрим еще несколько свидетельств письменных источников — арабских сочинений ал-Идриси и Ибн Халдуна и германского автора Готфрида Витербоского. Ал-Идриси на карте никак не определил политический статус Карпато-Поднепровья. Последнее не относилось ни к Дунайской Болгарии, границей которой был Нижний Дунай, ни к Руси, подписанной на картах на левобережье Днестра. Текст при этом полностью соответствует карте. Но вместе с тем в одной из секций другого климата, посвященной описанию берегов Черного моря, сицилийский географ сообщает, что Русь одним из своих рубежей имела черноморское побережье, где она граничила с Дунайской Болгарией (Коновалова 1991: 56-57).

Политического образования, то есть государства болгар, во времена ал-Идриси не существовало. Болгарские территории полностью попали под власть Византии не позднее 1018 г. Поэтому можно полагать, что, говоря о «странах» и называя их, ал-Идриси в первую очередь имел в виду этнический состав населения местности, а не их политический статус. Но где же проходила по ал-Идриси граница между русскими и болгарскими? И.Г.Коновалова полагает, что по

Нижнему Дунаю. Это традиционная точка зрения, и вряд ли она, в целом, не соответствовала исторической действительности. Но возможно ли, учитывая предлагаемую нами локализацию, предположить, что указанная граница проходила по черноморскому побережью, но южнее Дуная, то есть уже в Добрудже? Ведь ал-Идриси не говорит в этом случае про Дунай.

В позднейшей арабской литературе сохранилось словесное описание карт ал-Идриси, сделанное Ибн Халдуном в последней четверти XIV в. Ибн Халдун дважды подчеркнул, что Русь и Дунайская Болгария лежат на побережье Черного моря и имеют общую протяженную границу. Описывая соседние секции и климаты, географ говорит, что «Русь окружает страну бурджан» с запада, севера и востока (Коновалова 1991: 32-33;57).

Подобное уточнение Ибн Халдуном показаний ал-Идриси, казалось бы, только запутывает и усложняет и без того очень тяжелое восприятие информации, предоставляемой ал-Идриси. Совершенно непонятно, каким образом болгары и русские имели общую протяженную границу по побережью Черного моря, если она должна была проходить по Дунаю. И совсем непонятно, как русские могли «окружать» болгар со всех сторон, исключая южную (то есть обращенную к Византии, греческим областям) сторону.

Конечно, можно посчитать, что Ибн Халдун, рассказывая о столь отдаленных от него областях, что-то «напутал» и его известие не отражает никакой исторической реальности.¹⁰

Однако признание, что часть русского этнического массива населяла не только левобережные придунайские области, но и правобережные в Добрудже, где оно могло находиться даже южнее Хиршова, между последним и Чернавдой, где некоторые исследователи размещали летописный «Переяславец на Дунае» (Перхавко 1988: 69), наполняет сообщение Ибн Халдуна реальным историческим содержанием, а известия ал-Идриси (которого Ибн-Халдун дополнял) о границах Руси и Болгарии позволяет интерпретировать не столь традиционно, как принято в литературе.

Обратимся к сочинению германского средневекового историка и писателя Готфрида Витербоского «Пантеон», написанному в 1186 г. В части XV, гл.25 он пишет о Дунае: «...Там Дунай находит свой первый исток, а Венгрия, Рутения, Греция дают ему (Дунаю — Р.Р.) прибежище...» (Латиноязычные источники 1990: 346).

¹⁰ Судя по мнению востоковедов, Ибн Халдун выделяется известным своеобразием среди арабских авторов. Он «был свободен от традиционных схем... в смысле большой способности указать на новые процессы...», для него характерно «стремление точно описать картину мира». Его работа «особенно интересна как комментарий к трудам его предшественников» (Поляк 1964: 30-31).

Это выражение является метафорой, в которой поэт отразил пограничное положение Дуная, отделяющего в своем нижнем течении Русь от Византии. «Откуда у Готфрида представление о том, что Дунай течет по землям Греции (Византии) и Руси, неясно, — вопрошает комментатор текста М.Б.Свердлов. — Вероятно, это отражение тех смутных географических представлений о Восточной Европе в среде, к которой принадлежал писатель» (Латиноязычные источники 1990: 347). Так, может, данное свидетельство является отражением представлений автора о русском населении подунайских городов правобережья Дуная, и в частности, земли берладников?

Итак, я предполагаю, что земля берладников, ее исторический политический центр, называвшийся Берладью, находился на правобережье Дуная, в Добрудже, то есть территории, которая в указанный источниками для берладников период (с 1134 по 1174 гг.) входила в государственную территорию Византийской империи. В свете этого интересно, насколько допускают данные византийских источников предполагать реальность высказанной гипотезы.

Из-за ограничений объема данной публикации я не буду касаться характеристики политической и этно-демографической ситуации на византийском правобережье Дуная в районах так называемых подунайских городов. Необходимо отметить следующее:

Во-первых, полиэтничный характер населения подунайских городов вообще и наличие в них русского населения в частности. О русском населении говорит и указание на правителя подунайского города по имени Сеслав у Анны Комнины, а также указание византийских авторов на некоего славянина Нестора, которого правительство в 1074 г. послало договариваться со взбунтовавшимся против Константинополя населением подунайских городов (Анна Комнина 1859: 309-310; Васильевский 1872: 147);

Во-вторых, слабость власти византийской администрации в подунайских городах, периодически становящейся чисто номинальной. Как известно, византийская администрация выплачивала подунайским городам даже ежегодные богатые поминки, чтобы последние хотя бы формально признавали над собой власть императора.

В-третьих, стремление византийских властителей «приручить» подунайскую вольницу с тем, чтобы создать в ней опору против кочующих между Балканами и Дунаем и ведущих себя деструктивно печенегов, потомков печенежских орд Тираха и Кегена, переселившихся на территорию Византии еще в конце 40-х гг. XI в. (Васильевский 1872: 118-136).

С этой целью византийское правительство поощряло переселение на правый византийский берег Дуная с левобережья оседлого населения, убегающего от кочевников. В качестве

доказательств можно привести данные:

1) русской летописи (известие под 1069 г.) о возможности русских «уйти в греческую землю» (ПВЛ: I, 116);

2) сообщения Михаила Атталиата о «неких скифах», каявшихся в 1078 г. византийскому императору, в которых В.Васильевский убедительно видит русское население Дунайского правобережья (Васильевский 1872: 305);

3) известия Анны Комниной (кн.6, гл.14) о переселении в 1086 г. одного «скифского» племени на правобережье Дуная, которое договорилось об этом с властителями подунайских городов. Эти «скифы» потом «возделывали землю и сеяли просо и пшеницу» (Анна Комнина 1959: 309-310). В пользу «русского» происхождения «скифов» в этом эпизоде высказались П.Голубовский, В.Васильевский, А.Н.Насонов и Г.Б.Федоров (Васильевский 1872: 304-305; Насонов 1951: 139; Федоров 1974: 119).¹¹

Но наибольший интерес в данном отношении представляет сообщение Иоанна Киннама. Рассказывая о приготовлениях к войне против венгров императора Мануила I Комнина, который сколачивал коалицию из западных союзников и сил русских княжеств, Киннам сообщает:

«Около этого времени добровольно пришел также к Римлянам с детьми, женою и со всеми силами один из владетелей Тавроскифии Владислав. Ему подарена была придунайская страна, которую царь прежде отдал пришедшему в Византию Васильку, сыну Георгия, занимавшему первое место между филархами Тавроскифии...» (Киннам 1859: 262).

К сожалению, это интересное известие Киннама чрезвычайно сложно для определения хронологии и участников описанных событий. В нецитированной нами части о приготвлении Мануила к войне и сколачивании антивенгерской коалиции имена русских князей перепутаны, а некоторые имена, например, некий Примислав, вообще ни с кем не идентифицируются (Киннам 1859: 260-262). И в цитированном нами фрагменте непонятно, кто же скрывается под именем Владислав.

В.Н.Карпов предполагает, что этими переселенцами из Руси в пределы Византии были кто-

¹¹ Я также присоединяюсь к мнению о славянской принадлежности упомянутых «скифов». Указание на оседлость пришельцев и занятия земледелием вряд ли могут указывать на печенегов (так считает Я.Н.Любарский — 1959: 529), поскольку из труда того же В.Васильевского известно, какие усилия были затрачены византийской администрацией, чтобы привести к оседлости печенегов орд Кегена и Тираха, притом эти усилия так и не увенчались успехом. Представления о легкости оседания кочевников на землю бытуют в исследованиях по Карпато-Балканскому региону (Чеботаренко 1982: 57; Диакону 1964: 257-263). Однако, например, известно, что кочевники, переселившиеся в Венгрию еще в конце XI-XII вв., только в начале XV в. «обратились в оседлых земледельцев» (Голубовский 1889: 4-28).

то из Всеславичей — Давид (упом.1129), Ростислав (упом.1140), Святослав (упом.1129) и их племянников — Василько и Иоанн, которые были изгнаны из полоцкого княжества сыном Владимира Мономаха Мстиславом Великим (1125-1132) (Киннам 1859: 262).

В.Б.Перхавко считает, что данное событие произошло позднее — в 60 гг., а придунайские земли на территории Добруджи были отданы в держание русским князьям Васильку Юрьевичу (сыну Юрия Долгорукого) и Владиславу (Перхавко 1996: 73-74). К сожалению, автор ничего не сказал по поводу таинственного Владислава, которому, собственно, и была «подарена придунайская страна».

Не вдаваясь в дискуссию о хронологии и действующих лицах в указанном фрагменте византийского хрониста, отмечу главное:

1) придунайские земли на правобережье неоднократно дарились русским князьям именно в период, когда протекала на Дунае деятельность Ивана Ростиславича Берладника;

2) мы можем предположить, что среди тех князей, которым «дарились» придунайские области, мог быть и Иван Ростиславич, причем уже в тот период, который обозначен грамотой 1134 г.;

3) на основании летописного сообщения 1174 г. можно предполагать, что практика существования каких-то русских политических формирований, возглавляемых русскими князьями, но почти наверняка формально, как и подунайские города, подвластных Византии, продолжалась и после смерти Ивана Берладника. В.Васильевский назвал данную историческую практику «получением русскими князьями уделов от византийского императора» (Васильевский 1872: 304).

Обстоятельства гибели Ивана Ростиславича Берладника в Солуни в 1162 г. безусловно, заслуживают внимания исследователей. Возможно, и прав В.Б.Перхавко, предполагающий, что Ивана Ростиславича отравили византийцы по просьбе их союзника Ярослава Владимировича Галицкого (Перхавко 1996: 72). Однако сам факт, что привыкший к борьбе и всю свою жизнь борющийся Иван Ростиславич жил перед смертью в Византии, говорит о достаточно интересных обстоятельствах взаимоотношений Берладской земли с официальным Константинополем.

Возможно, не случайно Иван Ростиславич и берладники, совершавшие походы на галицкие города, грабившие галицкие купеческие корабли и рыболовов, ходившие на далеко расположенный киевский торговый порт Олешье, не грабили рядом находившихся византийцев, не имели конфликтов с византийскими властями. Исследователями не обращалось внимания на то, что берладники, бывшие по общему в русской историографии мнению, деклассированным разбойничьим элементом, прообразом будущего казачества, профессиональными пиратами, плававшая по Дунаю и Черному морю, не «замеча-

ли» в Византии богатую добычу, которая была рядом, за которой не надо было плыть в устье Днепра или вверх по Днепру.¹² Ни одно нападение на греков, ни один конфликт берладников с византийцами не нашли отражение ни в одном из русских или греческих источников.

Данные наблюдения с учетом всего вышесказанного позволяют мне выдвинуть предположение не только о том, что центр исторической летописной Берлады находился на территории Добруджи, формально принадлежащей Византии, но и о том, что Берладская земля была формально зависимой от Византии. Это не было княжество, зависимое от Галицкой Руси, по крайней мере, с 1144 г., и это не была в полном смысле «казачья вольная республика».

Последний вопрос, который я бы хотел осветить в рамках привлечения данных письменных источников, — отношения Ивана Ростиславича и берладников с половцами. Уже привлекалось летописное свидетельство об осаде в 1159 г. Иваном Ростиславичем с берладниками и половцами Ущицы. При анализе этого фрагмента, комментируя уход половцев от Ивана, я предположил, что «Берладь, где бы она ни находилась, была независима от половцев». Иначе трудно было бы объяснить, почему половцы послушались Ивана Берладника, почему мирно и спокойно от него ушли.

Интересные факты, касающиеся взаимоотношений Ивана Берладника с половцами, предоставляет летопись В.Н.Татищева, который использовал при написании этого сюжета ряд не дошедших до нас летописных данных. В.Н.Татищев сообщает, что после того, как Иван Берладник в 1159 г. ушел из Киева от Изяслава Давыдовича к половцам и стал в городах подунайских, галицкий князь Ярослав Владимирович оказал давление на венгров, и те отправили посольство к половцам с требованием выдать им Ивана Берладника. Половцы не только ответили отказом, но даже, когда венгры попытались увести Ивана Ростиславича силой, вступили с венграми в бой, после чего посольство выгнали (Татищев 1964: III, 64-65).

Сиретско-Прутской локализацией Берлады трудно объяснить подобный характер взаимоотношений Ивана Берладника с половцами. Несмотря на возможные личные симпатии к русскому князю, у половцев и у Ивана Ростиславича могли быть разные интересы. Если бы Берладь размещалась исключительно на землях юга Молдовы, то она была бы беззащитна перед многочисленными половцами, контролировавшими этот район. В то же время локализация Берлады на правом берегу Дуная, в Добрудже сразу же делает типологически близкими отношения Ивана с половцами и правителей

¹² В данном случае неважно, где располагалось летописное Олешье — в устье Днепра или на 60 км вверх по течению Днепра, возле современного Цюрупинска. По этому поводу см.: Сокульский 1980: 64-73.

подунайских городов с половцами. Они были традиционно союзными. В качестве примера можно привести сюжет из сочинения Анны Комниной: когда в 1088 г. император Алексей Комнин осадил подунайский город Дерстр, его «руководитель» Татуш ушел за Дунай к половцам просить помощи. Алексей сразу же снял осаду и оставил свои планы покорения города (Васи-

левский 1872: 163). Видимо, расположение, по крайней мере, части земли берладников на правом берегу Дуная создавало необходимый баланс сил, который половцам было невыгодно нарушать.

Таковы, на мой взгляд, аргументы в пользу локализации Берлады на правом берегу Дуная, исходя из анализа письменных источников.

4. Данные археологии

Результаты исследований археологов имеют при решении проблемы локализации летописной Берлады первостепенное значение. Я уже говорил, как археологическая «неуловимость» Берлады внесла скептицизм не только в среду археологов, но и историков. И как результат, в исследованиях последних десятилетий проблемы, связанные с берладниками, вообще не затрагиваются, а если и затрагиваются — то на уровне представления историографии, в которой первое место принадлежат сомнениям по поводу подлинности грамоты Берладника.

Археологическим показателем локализации Берлады, по мнению исследователей, должны выступать фиксируемые остатки культуры городского облика и предметы специфически древнерусского происхождения. На месте современного Бырлада ярко выраженных слоев XII-XIII вв. не обнаружено. Что же касается вещей древнерусского облика, то, например, такая специфическая категория вещей, как древнерусские энколпионы, была обнаружена в достаточном количестве только в северной и центральной части Запрутской Молдовы не южнее районов Бакэу и Васлуй. То есть в северных районах, которые вряд ли могли входить в область Берладь, подобные вещи есть. Один энколпион найден даже в центральной части Днестровско-Прутского междуречья на поселении Ханска (Postica 1995: 61), а на территории юга Румынской Молдовы, где существуют река и город с названием Бырлад, такие находки пока не известны (Комша 1987: 104-105; Spinei 1975: 235-242; Spinei, Corolius 1976: 319-328).

М.Комша, картографировавшая памятники на территории Румынии, на которых встречены изделия древнерусского происхождения, в качестве которых у нее выступают шиферные пряслица, лунницы, колты, металлические браслеты, стеклянные перстни и браслеты, янтарные бусы, энколпионы, шейные и нагрудные крестики, яйца — писанки и другие предметы, показала, что южнее района Бакэу в Запрутской Молдове они не встречаются, хотя севернее представлены в 22 пунктах (Комша 1987: 101-102, рис.1).

Данное явление, безусловно, требует своего объяснения. А пока отметим: в месте традиционной локализации летописной Берлады — на юге Запрутской Молдовы подобные вещи не

обнаружены. Данный факт, а также отсутствие слоев XII-XIII вв. в г.Бырладе, как уже отмечалось, конечно, не позволяют делать окончательные выводы, но все же позволяют предполагать, что Берладь, по крайней мере, ее центральные области в этом районе не находились.

В плане предлагаемой локализации Берлады в Добрудже обратимся к археологическим материалам из этого региона в интересующее нас время. Мы видим кардинально противоположную картину в распространении вещей древнерусского происхождения.

Наиболее массово встречаемыми предметами древнерусского происхождения (место производства — Овруч) в Добрудже являются шиферные пряслица розового, красного, фиолетового цветов, которых только на поселениях Диногеция, Пэкуял луй Соаре и Исакача найдено несколько сот экземпляров. Овручские пряслица встречаются на указанных поселениях даже в кладах с украшениями и византийскими монетами, что неудивительно, поскольку они могли использоваться в качестве обменного эквивалента. Как полагает М.Комша, по образцу привозных овручских пряслиц на указанных поселениях делали пряслица и из местного серого шифера. (Комша 1987: 100-103; Dinoeția 1967: 100-119; Barnea 1954: 197; idem 1955: 169-180; idem 1984: 103; Păcuiul lui Soare 1972: I, 170-173; Диакону 1961: 492; Ștefan 1955: 730-732; Comșa, Bichir 1960: 234-239).

Найденные на поселениях Диногеция и Исакача металлические лунницы, М.Комша считает местной имитацией лунниц, широко распространенных в русских кладах второй хронологической группы по Г.Ф.Корзухиной (Dinoeția 1967: 281; Barnea 1955: 175-176; Mănucu-Adamestianu 1984: 243; Комша 1987: 103; Корзухина 1954).

Найденные при раскопках подунайских городов и поселений их округа — памятников Диногеция, Капидава, Исакача, Мэчин, Нуфэрул, Пэкуял луй Соаре стеклянные браслеты и перстни исследователи считают привозными из Руси (Dinoeția 1967: 314; Capidava 1958: 237-238; Barnea 1954: 199; Vasiliu 1980: 482; idem 1984: 530-534; Mănucu-Adamestianu 1983: 472; Комша 1987: 104).

Также привозными из Руси, вероятно, киевского производства, М.Комша считает и янтарные бусы, двусеченной конической формы, многогранные, найденные на поселении Пэку-

юл луй Соаре и могильнике XI-XII вв. в Исакче (Комша 1987: 104; Păcuiul lui Soare 1972: I, 137-138; Vasiliu 1980: 483; idem 1984: 534-539).

Среди предметов культа древнерусского происхождения интерес вызывают находки энколпионов в Пэкуюл луй Соаре. М.Комша полагает, что часть из них была изготовлена в Киеве, а часть в Галиче. В Диногэции и Исакче найдены довольно многочисленные шейные и нагрудные бронзовые крестики XI-XII вв. с одинаковыми концами с выпуклостями, аналогичные волынским (Седов 1982: 199-200, табл. XXV, XXVI, 30), а также бронзовый крестик (Диногэция) с неравными, закругленными и украшенными шипами концами, которые орнаментированы спиралевидным узором, заключенным в окружность. Этот экземпляр, как считает М.Комша, аналогичен новгородским (Седова 1951: 235, табл.4, 9). Исследовательница полагает, что киевского происхождения могут быть и два, найденных также в Диногэции, бронзовых крестика с равными расширяющимися концами, имеющими на лицевой стороне черненый узор (Комша 1987: 105; Dinogetia 1967: I, 357-366, fig. 191, 2; 192, 3-5; Barnea 1973: 309, 317, fig.9, 2; 15, 4; Mănușu-Adamestianu 1984: 244-245; 636-637; tabl.III, 31-33; IV, 34).

На всей территории Румынии только в Добрудже, а именно на поселениях Диногэция и Исакча, найдены полихромные поливные яйца — писанки, которые, по мнению И.Барни, изготовлены в мастерских Киева и, возможно, Белгорода (Dinogetia 1967: I, fig.149: 12, 13; Barnea 1954: 198-199; Vasiliu 1984: 115).

Таким образом, мы видим большое количество вещей древнерусского происхождения в Добрудже, причем на поселениях, расположенных по берегу Дуная в Северной и Западной Добрудже. По нашей локализации, Берладь находилась в районе Хиршова. Территориально этот район «укладывается» между Мэчином (лепосный Дичин) и Пэкуюл луй Соаре, расположенным выше по течению Дуная, чем Хиршова. Обилие находок древнерусского происхождения в таком дальнем пункте, как хорошо изученное археологически поселение Пэкуюл луй Соаре, делает нашу локализацию достаточно обоснованной и в плане археологии. Широкое распространение предметов древнерусского происхождения на подунайских поселениях в Добрудже вряд ли можно объяснить только широко раз-

витой торговлей этого региона с Русью (Комша 1987: 106).

Возможно, что и торговля с Русью приняла широкие масштабы из-за наличия большого русского этнического массива на правобережье Дуная во второй половине XI — XII вв. М.Комша отмечает, что абсолютное большинство предметов древнерусского происхождения появилось здесь в XI-XII вв. и позже (Комша 1987: 101-106). Вспомним, что речь Святослава 969 г. о Переяславце, локализуемом в этом районе (Нуфэру — Перхавко 1988: 73), как центре торговли, свидетельствует о ее развитии уже к середине X в. А массовое появление древнерусских вещей фиксируется позже. К концу X в. из древнерусских вещей, отмеченных исследователями на подунайских поселениях Добруджи, относятся только овручские пряслица. Но в большом количестве они появились здесь уже в XI в. (Комша 1987: 101). Лунницы, обнаруженные в Диногэции и Исакче, имитирующие древнерусские, относятся также к XI в. (Комша 1987: 103). Любопытно, что многие из перечисленных предметов были найдены в погребениях, что не может не наводить на предположение об «этнической значимости» этих вещей.

В любом случае большое количество вещей древнерусского происхождения на придунайских правобережных памятниках Добруджи, некоторые из которых отождествляются с «подунайскими городами» византийских и русских источников, связано с наличием среди населения подунайских городов русского этнического массива, засвидетельствованного письменными источниками. Я согласен с В.Б.Перхавко, что часть этих городов и была передана византийским императором Мануилом Комнином в удел русским князьям, о чем повествует Киннам (Перхавко 1996: 73-74). Определить, какие из них могли войти в 1134-1174 гг. в некое сообщество «Берладь», достаточно сложно, но возможно.

Радикально решить археологическими методами задачу локализации Берлады в указанном районе, наверное, могли бы румынские археологи, идентифицировав на местности исчезнувший еще при Н.П.Барсове Эскер-Бырлат. Во всяком случае, я полагаю, что археологических доказательств локализации летописной Берлады в Добрудже, а не на юге Запрутской Молдовы на сегодняшний день существует гораздо больше.

ЛИТЕРАТУРА

- Барсов Н.П., 1885. Очерки исторической географии. География начальной (Несторовой) летописи. Изд.2. Варшава, 371 с.
- Богдан И.И., 1897. Грамота князя Ивана Ростиславича «Берладника» 1134 года. Сообщение. // Труды Восьмого Археологического Съезда в Москве в 1890 г., т.IV, М., с.163-164.
- Бырня П.П., 1991. Из истории исследования Старого Орхья (1946-1958 гг.) // Археологические исследования в Старом Орхее. Кишинев, «Штиинца», с.5-43.
- Васильевский В., 1872. Византия и печенеги (1048-1094) // ЖМНП, ч.CLXIV ноябрь, с.116 — 165; декабрь, с.243-332.
- Голубовский П.В., 1884. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южно-русских степей IX-XIII вв. Киев, изд-во ун-та Св.Владимира, 254 с.
- Голубовский П.В., 1889. Половцы в Венгрии. Исторический очерк. // Известия Киевского Университета 1889 года, с.1-28.
- Грот К.Я., 1881. Моравия и мадьяры с половины IX до начала X века. СПб.
- Грот К.Я., 1889. Из истории Угрии и Славянства в XII веке (1141-1173). Варшава.
- Грушевский М., 1911. Киевская Русь. т.I, СПб., 480 с.
- Дашкевич Н.П., 1904. Грамота князя Ивана Ростиславича Берладника 1134 г. // Сборник статей по истории права, посвященный М.Ф. Владимирскому-Буданову, Киев.
- Диакону П., 1961. Крепость X-XV вв. в Пэкулюл луй Соаре в свете археологических исследований. // Dacia, NS, No 5
- Диакону П., 1964. К вопросу о глиняных котлах на территории РНР. // Dacia, NS, VIII, p. 249-263.
- ДПИ — Древнерусские письменные источники X-XIII вв., 1991. М., «Кругъ», 80 с.
- ИСв, 1965.- Исторические связи народов СССР и Румынии в XV -начале XVIII в., т.I (1408-1632), М., 1965.
- История Венгрии 1971. В трех томах., т.I, М., «Наука», 644 с.
- ИМ — История Молдавской ССР, 1987. В 6 т., т.1, Кишинев, «Карта Молдовеняскэ», 416 с.
- Киннам Иоанн, 1859. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов (1118-1180). Труд Иоанна Киннама. Пер. под редакцией проф. В.Н.Карпова. — Византийские историки, переведенные с греческого при С.Петербургской Духовной Академии. СПб, 363 с.
- Козьма Пражский, 1962. Чешская хроника. Вступительная статья, перевод и комментарии Г.Э.Санчука. М., Издательство АН СССР, 295 с.
- Комнина Анна, 1859. Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина (1081-1118).Перевод под редакцией проф. В.Н.Карпова. — Византийские историки, переведенные с греческого при С.Петербургской Духовной Академии [кн.2]. С-Петербург, 435 с.
- Комнина Анна, 1965. Алексиада. Вступительная статья, перевод, комментарий Я.Н.Любарского, М.
- Комша М. 1987. Изделия древнерусских городов на территориях к юго-западу от Киевской Руси. // Труды V Международного конгресса славянской археологии, Киев 18-25 сентября 1985 г., т.III, выпуск 1а, М., с.100-110.
- Коновалова И.Г., 1991. Арабские источники XII-XIV вв. по истории Карпато-Днестровских земель. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1990 год. М., «Наука», с.5-115.
- Константин Багрянородный, 1991. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий. Изд.2., М., «Наука», 496 с.
- Корзухина Г.Ф., 1954. Русские клады IX-XIII вв. М., -Л.
- Котляр Н.Ф., 1985. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX-XIII вв. Киев, «Наукова думка», 183 с.
- Латиноязычные источники, 1990 — Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия. Середина XII — середина XIII в., 1990. Составление, перевод, комментарий М.Б.Свердлова. М.-Л., 398 с.
- Левченко М.В., 1956. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., Издательство АН СССР, 554 с.
- Молчановский Н., 1883. Очерк известий о Подольской земле до 1434 года.(Преимущественно по летописям). Студента. Киев, 390 с.
- Мохов Н.А., 1964. Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, «Карта Молдовеняскэ», 440 с.
- Мутафчиев П., 1928. Происходить на Асеневици. // Македонски прегледъ, IV, 4.
- Насонов А.Н., 1951. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 260 с.
- НПЛ 1950 — Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов, 1950. Под ред., предислов. А.Н.Насонова. М.-Л., Издательство АН СССР, 651 с.
- Пашуто В.Т., 1950. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., Издательство АН СССР, 328 с.
- Перхавко В.Б., 1988. Летописный Переяславец на Дунае. // Внешняя политика Древней Руси. Юбилейные чтения, посвященные 70-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР В.Т.Пашуто. М., 1988, ТД, М., с.68-73.
- Перхавко В.Б., 1996. Князь Иван Берладник на Нижнем Дунае. // Восточная Европа в древности и средневековье. Политическая структура Древнерусского государства. VIII Чтения памяти В.Т.Пашуто. М., с.70-75.
- Петрушевский А., 1865. Было ли два Галичи, княжеские города, один в Угорско-Словацкой области, а другой по сю сторону Карпат над Днестром, или нет? // Научный сборник, издаваемый Литературным обществом Галицко-русской матицы. Львов, вып.1, с.24-49.
- ПВЛ — «Повесть временных лет», 1950. ч.I, II. Подготовка текста, статьи и комментарии Д.С.Лихачева. М.-Л., Издательство АН СССР.
- ПРП, 1953 — Памятники русского права. Выпуск 2. Памятники права феодально-раздробленной Руси (XII-XIV вв.). Составитель А.А.Зимин. М., «Государственное издательство юридической литературы», 442 с.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. 1962. т.II. Ипатьевская летопись. М., Изд-во восточной литературы, 938 с.; 1856. т.VII «Летопись по Воскресенскому списку», СПб, 345 с.; 1965. т.IX «Патриаршая или Никоновская летопись», М., Наука, 256 с.

- Поляк А.Н. 1964. Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Под ред. А.С.Тверитиновой. М., «Наука», с. 29-66.
- Протоколы, 1897 — Протоколы Заседания Отделения VI. Памятники славяно-русского языка и письма. // Труды Восьмого Археологического Съезда въ Москве въ 1890 г. т.IV, М., 1897, с.101-104.
- Овчинников О., 1994. Галицько-Волинські міста XII ст. за трактатом Ал-Ідрісі. // Населення Прутсько-Дністровського межиріччя та суміжних територій в другій половині I — на початку II тисячоліть н.е. ТД, Чернівці, «Рута», с.48-49.
- Русанова И.П., Тимошук Б.А., 1981. Древнерусское Поднестровье. Ужгород, «Карпати», 144 с.
- Рыбаков Б.А., 1952. Русские земли по карта Идриси 1154 года. // КСИИМК, No 43, с.3-44.
- Седов В.В., 1982. Восточные славяне в VI-XIII вв. Археология СССР, М., «Наука», 326 с.
- Седова М.В., 1951. Ювелирные изделия Древнего Новгорода. МИА, No 65.
- Середонин С.М., 1916. Историческая география. Лекции, читанные в Императорском Петроградском Археологическом Институте. Петроград, 240 с.
- Соболевский А.И., 1897. Грамота кн.Иванка Берладника 1134 г. // Труды Восьмого Археологического Съезда в Москве 1890 г., т. II, М., с.173-174.
- Сокульский А.Л., 1980. К локализации летописного Олешья. // СА, 1, с.64-73.
- Татищев В.Н., 1963;1964. История Российская. В 7 томах. М.-Л., Издательство АН СССР, т.2;3.
- Тихомиров М.Н., 1947. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. // Славянский сборник. М., ОГИЗ, с.125-201.
- Тихомиров М.Н., 1956. Древнерусские города. Изд.2, М., Госполитиздат, 477 с.
- Фасмер М., 1996. Этимологический словарь русского языка. В четырех томах. Перевод О.Н.Трубачева. СПб., Издательство «Азбука», Издательский центр «Терра».
- Федоров Г.Б., 1974. Население Прутско-Днестровского междуречья и левобережья Нижнего Дуная в конце I и начале II тысячелетия н.э. Рукопись. Хранится в библиотеке Высшей Антропологической Школы (Кишинев, Молдова).
- Цанкова-Петкова Г., 1980. Съдбата на Българския град под византийско владичество. // Средновековният Български град. София, с.57-66.
- Чеботаренко Г.Ф., 1982. Население центральной части Днестровско-Прутского междуречья в X-XII вв. Кишинев, «Штинца», 75 с.
- Шушарин В.П., 1972. Этническая история Восточного Прикарпатья IX-XII вв. // Становление раннефеодальных славянских государств. Материалы научной сессии польских и советских историков. Киев, «Наукова думка», с.166-179.
- Bălan T., 1928. Berladnicii. Cernăuți.
- Barnea I., 1954. Elemente de cultura materială veche rusească și orientală în așezarea feudală (secolele X-XII) de la Dinogetia. // Studii și referate privind istoria României. București, I.
- Barnea I., 1955. Byzance, Kiev et l'orient sur le Bas Danube du X au XII siècle. Nouvelles etudes d'histoire. Bucarest, t.I, p.169-180.
- Barnea I., 1973. Noi descoperiri din epoca feudalismului timpuriu la Dinogetia-Garvan Jud. Tulcea (1963-1968). // MCA, X, p.309-317.
- Barnea Al., 1984. Săpăturile de salvare de la Noviodunum. // Peuce, Tulcea, IX.
- Capidava, 1958. — Gr.Florescu, R.Florescu și P.Diaconu. Capidava. Monografie arheologică, vol.I, București, 265 p.
- Cihodaru C., 1963. Considerații în legătură cu populația Moldovei din perioada premergătoare invaziei tătarilor (1241). // SCS, XIV, 2, Iași.
- Comșa E., Bichir Gh., 1960. O nouă descoperire de monete și obiecte de podoabă din secolele X-XI în așezarea de la Garvan-Dinogetia (Dobrogea). // SCN, III.
- Dinogetia, 1967. Așezarea feudală timpurie de la Bisericuța — Garvan. Gh.Ștefan, I.Barnea, M.Comșa, E.Comșa., I, București, 409 p.
- Giurescu C.C., 1967. Țîrguri sau orașe și cetăți moldovene din secolul al X-lea pînă la mijlocul secolului al XVI-lea. București.
- Iorga N., 1927-1928. Brodnicii și români. // Analele Academiei Române, Memoriile secțiunii istorice, seria III, VIII, p.147-174.
- Mănuclu-Adamestianu Gh., 1983. Cercetări arheologice efectuate în com. Nufăru (Jud.Tulcea). // MCA.
- Mănuclu-Adamestianu Gh., 1984. Descoperiri marunte de la Isaccea (sec. X-XIV). // Peuce, Tulcea, IX.
- Olteanu St., 1974. Bîrladul și veacurile sale de istorie. // Magazin istoric, VII, 9(90).
- Păciul lui Soare, 1972. București, I.
- Panaitecu P., 1932. Diploma bîrladeană din 1134 și hrisovul lui Iurg Cariatovici din 1374 (falsurile patriotice ale lui B.P.Hașdeu). // «Revista istorică Română», II, p.46-51.
- Postică Gh., 1995. Civilizația veche românească din Moldova. Chișinău, «Știința», 80 p.
- Spinei V., 1975. Les relations de la Moldavie avec le Byzance et la Russie au premier quart du II millenaire à la lumière des sources archéologiques. // Dacia, NS, XIX, p.227-242.
- Spinei V., 1994. Moldova în secolele XI-XIV. Chișinău, Universitas, 495 p.
- Spinei V., Coroliuc G., 1976. Circulația unor obiecte de cult din sec. XII-XIII. // SCIV, 27, 3, p.319-328.
- Ștefan Gh., 1955. Șantierul arheologic Garvan-Dinogetia. // SCIV, VI, 3-4.
- Vasiliu I., 1980. Cercetările arheologice întreprinse în cimitirul feudal timpuriu (secolele XI-XII) de la Isaccea. // Materiale și cercetări arheologice. Tulcea.
- Vasiliu I., 1984. Cimitirul feudal timpuriu de la Isaccea. // Peuce, Tulcea, IX.